

ЕВА
МИР

ВЛАДЫКА ДРАКОНОВ

ПОД ЗАЩИТОЙ ТЁМНОГО

Ева Мир

Владыка драконов.

Под защитой тёмного

<https://litres.ru/74460889>

Аннотация

♥# Я заразилась скверной, спасая свой народ, и за это меня приговорили к смерти.

Все отвернулись от бывшей уважаемой дочери канцлера с феноменально сильным даром целительства.

Светлые моментально списали меня со счетов.

Даже мои родители.

Даже жених...

Но стоя на плахе, я увидела в небе чёрные крылья Владыки Тёмной Державы...

— Вы тоже пришли насладиться зрелищем? — спросила я, расправив плечи.

— Я пришёл забрать свою новую подданную, — усмехнулся тот, кого я всю жизнь считала чудовищем.

#ВластныйГерой

Книга - участник литмоба "Под крылом дракона"

Содержание

Глава 1. Первая встреча с Владыкой Доминиона	5
Глава 2. Тёмный и служанка	12
Визуал	22
Визуал - 1	25
Глава 3. Помолвка	28
Глава 4. Научу	33
Глава 5. Клятва	38
Глава 6. Сэл	43
Глава 7. Взгляд...	47
Глава 8. Срочно	51
Глава 9. Свет, тьма и другие таланты...	59
Глава 10. Допрос	64
Глава 11. Тёмные сны	69
Глава 12. Проверка	78
Глава 13. Чужие руки	84
Глава 14. Непристойное предложение	90
Глава 15. До встречи во сне	95
Глава 16. Встреча	101
Глава 17. Холод монеты	109
Глава 18. Доминион	117
Глава 19. Невеста Габриэля	120
Глава 20. Гораздо хуже, чем могло быть	126
Глава 21. Сдержанность скверны	131

Глава 22. Последний день леди Люмерис	137
Глава 23. Казнь	142
Селестина и Габриэль	148
Глава 24. Драконы и их подданные	151
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Глава 1. Первая встреча с Владыкой Доминиона

Мы шли по тайному ходу замка “Сияние”.

Узко. Пыльно. Темно.

А у меня, между прочим белое платье!

— Габриэль, мне это не нравится, давай вернёмся в зал, скоро начнётся торжество, а мне теперь придётся ещё раз переодеться, — сказала я, ступая за своим женихом.

— Сэл, не будь такой правильной, давай добавим в нашу жизнь немного авантюры.

В этот момент я плечом зацепилась за торчащую пустую подставку для факела, и больно пробороздила ей по коже.

— Ай! — взвизгнула, останавливаясь.

Габриэль тут же затормозил и помог выпутаться.

Рукав немного сполз с плеча.

— Больно? — сочувственно спросил он и потёр оголённую кожу.

Вот сразу видно, что в целительстве Габриэль не смыслит. Кто же лезет грязными пальцами прямо в рану? Ещё и больно трогает ссадину...

Я осторожно высвободилась из его рук и поправила рукав, заметив жадный взгляд Габриэля на откровенном выреze моего платья — мама настояла на таком.

— Может, достаточно авантюры на сегодня? — спросила я ласково в ответ, деликатно прикрывая вырез перчаткой.

Жена должна быть ласковой с мужем. Меня этому с детства учили. Мы пока ещё не женаты, конечно, но сегодня состоится наша помолвка...

— Мы почти пришли!

Он радостно толкнул одну из картин, пропуская нас двоих в гостевую комнату в северном крыле.

Я вздохнула и улыбнувшись шагнула за Габриэлем, только вот улыбка быстро слетела с моего лица.

— Спальня, — испуганно сказала я и дёрнулась обратно в пыльный и тёмный тайных ход.

— Тише, — он удержал меня за плечи. — Селестина, мы с тобой почти женаты, доверься мне.

Я сглотнула.

Мама говорила, что Габриэль может захотеть чего-то подобного до первой брачной ночи. И что я должна поддаться ему, потому что он — мой будущий муж.

Я тогда уверенно заявила, что мой Габриэль не такой. Он совсем не такой! Он меня уважает и...

— Ну же, Сэл, иди сюда, — он вытянул меня на свет.

— Мы не можем находиться наедине в спальне, — сказала я, обхватывая себя за локти.

— Значит, в узком безлюдном коридоре ты со мной согласна находишься наедине, а в комфортабельной комнате с кроватью уже нет? — беззлобно спросил он, подначивая ме-

ня.

В общем-то он прав конечно... В сущности между тайным ходом и спальней разница только в кровати и отсутствии пыли... Да и мама уверяла, что своему мужчине женщина должна давать разные поблажки.

— Ты сказал, что подготовил сюрприз, — тут же напомнила я.

Разберёмся с этим и дело с концом! Быстро вернусь в свою комнату и переоденусь.

— Да, — сказал он и подошёл ближе.

— Габриэль, что ты...

Он рукой скользнул по моей талии, резво прижимая меня к себе.

Поцелуй был мокрый, напористый и такой жадный, что я опешила!

Мы и раньше целовались с Габриэлем, но сейчас всё было хуже, чем раньше.

Не понимаю, что люди находят в поцелуях! Решительно не понимаю! Я читала эти романы про принцессу и конюха и всё такое, мама дала мне целую стопку такой литературы в образовательных целях.

Но ни разу я не чувствовала того же, что героини этих романов.

А сейчас об удовольствии и подавно не было и речи!

Габриэль словно с цепи сорвался. Его язык начал хозяйничать у меня во рту, а правая рука вдруг стала задирать юб-

ки!

— Габриэль, нет! — сказала я резко, когда он всё-таки отстранился от меня и начал слюнявить мою шею.

— Сэл, да повзрослей ты уже! — вдруг рявкнул на меня он. — Ты моя будущая жена! Тебе мать не объясняла, что жена должна ублажать мужа?

Таким злым я Габриэля ещё никогда не видела!

Я дочь канцлера. Обладательница феноменального светлого дара.

Уважаемая леди.

С детства со мной обращаются, как со статуэткой из тончайшего мариэнского стекла!

На меня НИКОГДА не повышали голос.

Даже папа! Даже когда злился!

И сейчас этот напор от Габриэля я просто не способна была переварить!

Несколько секунд я удивлённо хлопала глазами, пытаюсь удержать слёзы внутри.

— Прости, — выдохнул Габриэль, поняв, что переборщил. — Порой я забываю, что ты совсем невинный цветочек.

Он погладил меня по щеке, успокаивая.

— А... а ты? — спросила я удивлённо.

— Я... я разумеется тоже, — смущённо ответил он. — Но я мужчина, Сэл, мне нужно это. Понимаешь?

Я неуверенно кивнула.

— Вот что мы сделаем. Я сниму с тебя платье...

— Нет, — я испуганно замотала головой. — Нет, Габриэл, только не это. Всё, что угодно, только не это!

— Хорошо, — с непонятным мне удовольствием сказал он. — Тогда я только приспущу его с твоей груди...

И он без спроса потянул завязки на моём корсете, затянутом тремя служанками!

Я в страхе ахнула и схватилась за корсет.

— Нет, я не хочу раздеваться!

— Я всего лишь посмотрю на тебя, Сэл, — начал он уговаривать меня. — Хочу увидеть, какая ты.

Я снова замотала головой.

— Ладно, — с притворным недовольством ответил он. — Тогда разденусь я, и ты будешь на меня смотреть.

У меня от страха тряслись руки. Всё тряслось.

Зачем мне на него смотреть? Я этого в упор не понимала, но это было лучше, чем раздеваться самой!

— Хорошо, — быстро сказала я.

Габриэль предвкушающе улыбнулся.

— Тебе нужно встать на колени, — сказал он.

— Ч-что?

У меня кажется язык отнялся.

— Встань на колени, Сэл, — повторил Габриэль и, сделав мне подсечку одним из своих рыцарских приёмов, мягко опустил меня на пол.

— Вот так.

Я тяжело дышала и не понимала, чего он от меня хочет, и

зачем, мне вставать на колени!

А потом он встал передо мной и взялся за пояс своих штанов.

Я зажмурилась и вся сжалась, впервые в жизни стоя на коленях на ковре перед своим женихом. Перед своим любимым Габриэлем, с которым должна буду провести вместе всю жизнь!..

Это просто ритуал — успокаивала я себя. Просто ритуал, к которому меня забыли подготовить.

Я же всегда знала, что мы поженимся. Так почему мне сейчас так горько?

— Открой глаза, Сэл, — сказал он нетерпеливо. — Посмотри на него.

Меня трясло от ужаса, неужели он пригласил сюда кого-то ещё!

Я открыла глаза и мгновенно пожалела об этом.

Это было хуже, чем я представляла.

Я думала, что он снимет с себя рубашку... Всевышний, как же я ошибалась!

Габриэль как раз и остался ТОЛЬКО в рубашке, под нижним краем которой топорщился его... ну его вот этот инструмент, о котором с таким воодушевлением пишут в книжках.

Я сглотнула и постаралась не кривиться, а улыбнуться жениху. Потому что так меня учили: держать лицо, не устраивать сцен, не “позорить” семью.

— П-приятно познакомиться.

— Вот так, да! — Габриэль вдруг подошёл чуть ближе.
Не отпрянуть, не отпрянуть!

Я показала все чудеса выдержки, на которые только была способна, и удержалась на месте, хотя всё во мне рвалось назад.

О Всевышний, помоги мне это пережить!

— Сэл, помнишь, как я целовал тебя сегодня? — спросил он нетерпеливо.

— Д-да.

И к сожалению, я ещё не скоро это забуду!

— И мой язык толкался в твой рот, помнишь?

Голос Габриэля изменился до неузнаваемости. Стал хриплым, будто у него лихорадка!

— Д-да, — ответила я, в упор не понимая, куда он клонит.

Но когда он подошёл ещё на шаг, я всё поняла.

— Н-нет, Габриэль!

О Святая Богиня, он же не хочет, чтобы я...

Он хотел.

Он именно этого хотел!..

Святая Богиня, помоги!

В этот момент входная дверь резко отворилась, и я встрети-
лась взглядом с чёрноглазым незнакомцем...

Глава 2. Тёмный и служанка

О Всевышний, это же не со мной происходит, да?

Высокий незнакомец был одет в чёрный мундир, который сидел на нём безупречно. Так, как на Габриэле никогда не сидела даже парадная мантия.

Да это же тёмный!

Должно быть Габриэль перепутал спальни и завёл меня в ту, что предназначалась для наших “гостей”!

И как бы я ни боялась тёмных и ни презирала их... этот незнакомец прервал самый унижительный миг моей жизни.

Несмотря на дичайший стыд, который теперь прожигал меня насквозь, я была ему невероятно благодарна.

И видимо он прочитал это в моём взгляде, потому что тут же усмехнулся.

Я опустила глаза в пол.

Худшего стыда я не испытывала никогда.

Никогда.

Ни-ког-да!

Я попыталась выпрямиться, но колени будто приросли к ковру.

Габриэль дёрнулся к мужчине.

Тот же шёл прямо ко мне.

Никакой суеты, никаких извинений, никакого “простите, что помешал”.

— Милорд... это... — Габриэль закашлялся и поспешно прикрылся полой рубашки, будто это могло вернуть ему достоинство. Мне достоинство. — Это недоразумение.

— Разумеется, — сказал вошедший ровно и присел рядом со мной на колени.

Он взял меня за подбородок и приподнял моё лицо, вынуждая встретиться с ним взглядом.

Глаза у него были чёрные. Не просто карие, а такие, в которых будто пряталась ночь.

Интересно, у всех тёмных такой взгляд?

— Дышите, — сказал он тихо. — Вот так. Медленно.

Голос низкий, спокойный. В нём не было ни смущения, ни злости. Только холодная заинтересованность — как у человека, который уже всё понял и теперь решает, что с этим делать.

Я судорожно втянула воздух. Второй вдох дался чуть легче.

— Умница, — произнёс он властно, и от этой похвалы внутри меня прокатились странные ощущения...

Я попыталась встать, но получилось не сразу. Он придержал меня за локоть, помогая подняться.

Сзади раздался сиплый голос Габриэля:

— Милорд... это недоразумение. Мы... мы...

— Разумеется, — повторил незнакомец тем же ровным тоном и даже не обернулся, он не отводил взгляда от меня.

Но краем глаза я видела, как в комнату вошёл кто-то ещё.

— На девушку не смотреть, — сказал незнакомец.

И двое других тёмных вдруг шагнули к Габриэлю, который тут же замолчал, будто набрал в рот воды.

— Кто вы? — спросил тёмный, всё ещё удерживая меня за локоть.

Впрочем, я тоже одной рукой вцепилась в его предплечье, а второй удерживала сползающий корсет.

Кто я?

Я открыла рот, чтобы представиться по этикету, но не смогла выговорить ни звука.

Имя “Селестина Люмерис” застряло в горле комом.

Я вдруг отчётливо поняла, произнеси я его — и не смогу больше скрыть то, что здесь произошло.

Эти люди не знают меня в лицо. Нас ещё не успели представить друг другу. А может и не представят вовсе, если они просто из свиты этого Тёмного Владыки, что прибыл в Соларию на подписание мирного договора.

Он чуть прищурился. Оглядел моё грязное после прогулки по тайным ходам платье с дырой на плече.

— Вы его служанка?

Я чуть не поперхнулась воздухом.

Он принял меня за... служанку?

Потому что в гостевой спальне. Потому что одна. Потому что без свиты.

Может, и хорошо! На помолвке я всё равно буду под вуалью. И он никогда не узнает, что застал в этом унижении

Селестину Люмерис — дочь канцлера Соларии.

Не сложишь так обстоятельства, я бы обязательно возмутилась.

Но сейчас мне хватило ума кивнуть.

— Понятно, — сказал он, получив подтверждение своим выводам.

Потом наконец повернулся к Габриэлю.

Доброжелательное выражение лица исчезло, как ни бывало.

— Вы находитесь на этаже, предназначенном для Доминиона, — произнёс он сухо. — Трахайте своих шлюх в других комнатах, сир.

Габриэль тоже хотел возмутиться, но поймал мой выразительный взгляд.

— Приношу глубочайшие извинения, — выдохнул Габриэль, хватаясь за этикет как утопающий за верёвку. — Мы сейчас же уйдём...

Незнакомец чуть наклонил голову и посмотрел на двух других тёмных.

Короткий обмен взглядами, и они вдруг схватили Габриэля под руки, уволасывая к двери только его, а я...

А я осталась с этим страшным тёмным и его пронзительным взглядом. В спальне. Наедине.

— Милорд! — Габриэль рванулся, но хватка мужчин была достаточно крепкой, чтобы паладин святой инквизиции Соларии не смог вырваться. — Сэл! Скажи им!..

Я похолодела от ужаса.

Дверь закрылась на последнем слове.

Тишина резко окутала комнату, будто кто-то опустил занавес.

Я стояла, прижимая ладони к корсету, и боялась пошевелиться — потому что любое движение могло выдать, насколько меня трясёт.

Отпустила его предплечье.

— Завязки, — сказал он, кивая на корсет. — Справитесь?

— Да, — слишком быстро ответила я. — Благодарю, милорд.

Он усмехнулся. Коротко, так, будто ему понравилась моя попытка удержать лицо.

Мои руки тряслись, я судорожно начала затягивать шнурки на спине, но они путались в пальцах, как будто им тоже было стыдно за всё, что случилось здесь минуту назад.

— Вам помочь, пресветлая? — насмешливо спросил мужчина, вольготно усевшись в кресле и наблюдая за мной.

Я дёрнула подбородком.

— Нет, благодарю, — учтиво ответила, но на книксен сил у меня не хватило.

Позор. Если об этом кто-нибудь узнает, моя репутация будет уничтожена.

И я не знаю, что из всего происходящего хуже!

То, что мой жених пытался принудить меня к близости до свадьбы, да ещё и такой извращённой близости. Или что нас

при этом застали гости светлого двора, приехавшие впервые за полвека на подписание важнейшего в мире договора!

Я в спальне с тёмным! В развязанном корсете, который никак не хочет собираться обратно. Скверна! Как я могла оказаться в такой ситуации?

Он всё же подошёл ко мне, резко развернул, поставив к себе спиной.

Взял одну мою ладонь и уложил её на столбик кровати, затем вторую, и толкнул меня вперёд, заставив прогнуться в спине.

Я возмущённо выдохнула воздух из лёгких, но когда почувствовала его бёдра сзади моих, вообще дышать перестала!

— Не дёргайтесь, — сказал он ровно.

И я уже хотела громко заявить, что я дочь канцлера, что у меня сегодня помолвка, что это всё невероятно недопустимо!

Но вдруг почувствовала, как тёмный подтянул мой корсет выше и резко затянул первое перекрестие шнуровки.

Хорошо, что я не вымолвила ни слова.

Только диву давалась, как ловко он затягивал меня. Три моих служанки не могли добиться такого результата!

Без лишних прикосновений.

Без того, что сделал Габриэль.

У меня даже сердцебиение успокоилось!

Когда он закончил и завязал последний шнурок, я выпря-

милась, но оборачиваться не решалась.

Вдруг он наклонился к моему уху, снова разгоняя моё сердце до невероятных скоростей.

— Я с радостью расшнурую его заново, милая светлая, — прошептал он. — Только скажите.

У меня рот открылся от паники и возмущения.

Я резко развернулась.

— Благодарю за помощь, милорд. Мне пора!

Я метнулась к двери, но он схватил меня за запястье.

— Если кто-то обидит вас снова, сожмите её как следует, я прилечу и заберу вас, — сказал он с усмешкой и вложил мне в ладонь монету.

— Спасибо, меня никто не обижает, милорд.

— Правда? — произнёс он так, будто я только что заявила, что солнце в Соларии не светит. — А мне показалось, вы не хотели быть зрителем его маленького... представления.

Если бы можно было стать ещё более красной, я бы стала. Я сжала монету в руке.

Единственное, что я смогла вымолвить:

— Буду также благодарна вам, если этот инцидент останется между нами.

— Вы безупречно воспитаны, — лениво протянул он. — Даже в такой щепитильной ситуации сохраняете лицо.

Я заставила себя поднять подбородок.

— Я выросла при дворе, милорд. Здесь принято держать лицо.

Скверна, да уж. Здесь так же принято держать корсет зашнурованным!

— Забавно, — продолжил он. — В Соларии даже прислуга разговаривает так, будто читает протокол Дворца Короны.

— Меня учили... быть полезной, милорд.

— Полезной, — повторил он, и уголок его губ дрогнул. — Вот как это теперь называется.

Я почувствовала, как в теле снова поднимается жар. Злость, унижение, обида. Бессильные эмоции.

— Я не понимаю, о чём вы.

Тёмный шагнул ближе.

— Конечно, — мягко сказал он. — Вы в Соларии вообще многое “не понимаете”, когда вам так удобнее.

Тёмный молча снял с себя плащ и положил его мне на плечи — одним движением, без прикосновений. Как будто он не собирался меня утешать. Просто закрыл то, что в эту минуту не должно было быть видно никому.

— Наденьте капюшон, когда будете убегать, — приказал он спокойно.

Он сделал шаг назад, а у меня в лёгких наконец-то появился воздух.

— Это благородно с вашей стороны, — сказала я, присев в поклоне.

Хотела добавить, что он повёл себя совсем не как тёмный, но разумеется не стала. И уже двинулась к выходу, как услышала:

— В Доминионе женщина становится на колени только по собственной воле, — произнёс он негромко.

В его словах сквозило презрение, будто он этим хотел унижить мою страну, в которой приключилось это — то, что он застал.

— Не представляю, зачем это вообще нужно женщинам, — вдруг вырвалось у меня.

Он расхохотался.

Громко. Заливисто.

Я обернулась.

— Если тебе снова предложат “просто посмотреть”, помни, что можно просто сказать “нет”. Без книксена. Это даже у вас разрешено.

Его голос так и сочился сарказмом.

Я сжала губы, и вместо парадного выхода из спальни отправилась к тайному ходу.

— Не хочу быть вам должной, милорд, — последнее слово я тоже сказала с сарказмом. — Вот вам моя благодарность.

Я толкнула картину, открылся проход в тайный коридор.

— В этой комнате лучше ночевать с кинжалом под подушкой.

Он задумчиво посмотрел на меня, а я же кивнула ему и юркнула в темноту потайных ходов замка “Сияние”.

Мне надо было срочно пробраться в свою комнату и подготовиться к помолвке...

...в целесообразности которой я впервые в жизни засо-

мне в а л а с ь .

Визуал

А вот и наш Тёмный Владыка во дворце “Сияние”

Дорогие читатели!

Добро пожаловать в историю Селестины и Люция.

Если вам понравилось начало, не забудьте поставить книге звёздочку и подписаться на автора)

Обнимаю!

Визуал - 1

Наша безупречная Селестина *Люмерис*.

Воспитанная леди, благочестивая молодая женщина, знатная дама, дочь канцлера, привыкшая держать лицо даже, когда хочется кричать.

Её светлый дар феноменален! Она лечит, вытягивая болезнь пациента и растворяя её в своём Свете.

Селестина готова терпеть и жертвовать собой ради семьи, короны и “правильного” мира.

Пока однажды этот правильный мир не требует от неё невозможного...

Глава 3. Помолвка

Потайной коридор вывел меня в галерею около моих покоев.

Комната встретила лёгким ароматом розовых лилий.

Я замерла, прислонившись к резной двери, и несколько минут просто дышала, пытаюсь унять дрожь в коленях и тот стыд и возмущение, что пылал на щеках.

Сердце колотилось так, будто тоже хотело сбежать по тайному ходу. Жаль, это невозможно.

Мало помалу я успокоилась — здесь всё было привычно и правильно, белые шторы, аккуратные коробки с украшениями, ваза с лилиями, от которых меня правда вдруг начало мутить...

Потом я вспомнила о плаще. О чёрном, струящемся плаще с серебряной застёжкой в виде головы дракона. Я сняла его, и ткань, холодная и тяжёлая опала на пол, забирая с собой аромат мятежного дыма, древних знаний и дикого тёмного леса...

Я поспешно спрятала чёрный плащ на самое дно сундука с зимними вещами, под горностаевые мантии. Избавлюсь позже, а сейчас главное, чтобы служанки не увидели.

Монету тоже хотела положить туда, но... не знаю, что меня дёрнуло, но я сунула её в кармашек на белье, в котором обычно носили обереги.

Если кто-то обидит вас снова, сожмите её.

Скверна. Я даже не знала, обидели ли меня уже по-настоящему — или это только разминка перед жизнью “идеальной жены”. Ох не то я ожидала от жизни с Габриэлем!..

Я быстро умылась и не вызывая горничных сменила платье на новое — ещё белее, ещё торжественнее, будто надев новое платье, можно было заменить и память. Поверх лёгкая накидка. На лицо — вуаль.

Помощниц я всё-таки вызвала. В конце. Они поправили причёску. Дотянули корсет, как надо. Но до работы того тёмного им конечно далеко!.. Хоть приглашай его в свою свиту! У меня будет самая тонкая талия в королевстве.

Я посмеялась своим мыслям и серёжки в ушах звякнули.

Сегодня на мне было больше драгоценностей, чем за всю предыдущую жизнь: серьги с бриллиантами, тяжёлое ожерелье, тиара. Я смотрела на своё отражение в огромном зеркале — безупречная фарфоровая кукла. Только вот в глазах её ледяной ужас.

О Всевышний!

За что мне это?!

Я никогда в жизни не сомневалась, что хочу стать женой Габриэля! Почему же именно сегодня, в день нашей помолвки, ты прислал мне такие испытания?!

По сравнению с тем тёмным мой Габриэль выглядел ужасно.

Со всех сторон.

Он мямлил, когда тёмный говорил чётко и по делу.

Он стеснялся, прикрывая пах, когда тёмный вошёл в чужую спальню, как к себе домой.

О ужас!

Неужели я сравниваю Габриэля с тёмным!

С чудовищем!

С монстром, в котором, как говорят, нет ни капли светлой энергии!

Хотя капля наверное всё-таки есть, ведь со мной он не сделал ничего плохого, хоть и принял за простую служанку. Даже с платьем помог...

Но в любом случае.

Тёмные ужасны. Это всем известно.

А Габриэль... мой Габриэль просто ошибся!

Служанки проводили меня к главному залу “Сияния”, где в коридоре перед дверью меня уже ждал мой жених.

В парадном мантии, с безупречной причёской и той самой лёгкой, уверенной улыбкой, которую я всегда любила. Увидев меня, его глаза смягчились — в них читались искреннее раскаяние и облегчение. Он протянул руку, и я приняла её. Тогда Габриэль смело повёл меня ко входу в зал.

— Не хочешь спросить, цела ли я? — с обидой спросила я..

— Что? О чём ты?

Он изобразил такой невинный взгляд, что улыбка мигом сползла с моего лица. Пусть. Этого всё равно никто не уви-

дел, ведь я была в шляпке с белой вуалью, полностью закрывавшей и волосы, и лицо.

А скрывать там было что!

Реакция Габриэля возмутила меня до глубины души! Он решил просто замолчать, что произошло? Не обсуждать? Не попытаться во всём разобраться?

Мне впервые в жизни захотелось ударить его. Впервые в жизни захотелось ударить вообще кого бы то ни было!

В этот момент герольд протрубил наши имена и мы вошли в тронный зал.

Море света и оживлённых лиц. Все улыбались. Никто не смотрел на меня с осуждением. Значит, слухи не успели разбежаться. Разумеется, они не разбежались.

Я с облегчением выдохнула, всё-таки немного побаивалась, что тёмные узнали меня и рассказали обо всём отцу. Не представляю, как бы я перед папой объяснялась!

Не смотря на мой внутренний раздрай, в зале лилась музыка, пахло шампанским, цветочными духами и чужими несбывшимися надеждами — Габриэль завидный жених. Мой жених... только мне почему-то больше не радостно от этого.

— Селестина, — тихо произнёс он, будто почувствовав мои эмоции.

Голос у него снова был прежний: мягкий, заботливый, идеальный.

— Прости. Я... потерял голову. Это недостойно. Это

больше не повторится.

Я облегчённо выдохнула.

Вот он — мой привычный Габриэль. Достойный мужчина, заботливый будущий муж, для которого важнее мои чувства, а не низменные желания тела.

Разумеется, я не стану предавать нашу любовь и просить отсрочку помолвке. Наш брак — дело решённое!

— Ты прекрасна, — сказал он. — Моя будущая жена.

— Спасибо, — улыбнулась я.

— Мы обязательно сделаем это, когда ты будешь более подготовлена и когда нам точно никто не помешает, — сказал он с воодушевлением.

Он не видел, как изменилось моё лицо.

Как от него отхлынула кровь.

— Или, — продолжил Габриэль тем же бодрым тоном, словно обсуждал предстоящее меню, — если ты уже взяла себя в руки, мы можем сделать это сегодня. После бала.

Он наклонился ближе, и пониже, почти шепотом, добавил:

— А если совсем не терпится... то и на балу.

Глава 4. Научу

Когда Габриэль сказал то, что сказал, я даже улыбаться не перестала — я же дочь канцлера Соларии, вежливая улыбка это нечто, что в меня впитали с пелёнок, есть на мне вуаль или нет — не важно. Но удержать на лице ощущение благодущия, которое я испытывала секунду назад, стало невозможно.

Габриэль наклонился ближе к моему уху и совсем вогнал меня в недоумение.

— После свадьбы я научу тебя всему! Как брать глубоко в горло, как расслабляться, когда больно, — продолжил он, совершенно не замечая, как я напряглась. — Буду врываться в тебя снова и снова. Везде.

Он сказал это с таким предвкушением, что мне стало не по себе.

Всевышний. Ты издеваешься надо мной?!

“Брать в горло”?! “Расслабляться, когда больно”?!

В любовных романах, которые я читала, таких ужасных подробностей не было! Там героиня растекалась по простыням от удовольствия, а не терпела, пока всё кончится...

Но этого Габриэлю было мало! Он, видимо, вдохновился моим молчанием, думая, что я поддерживаю его, как всегда, и продолжил:

— Потом свяжу верёвками так, чтобы ты не смогла вы-

рваться. Знаешь, какие есть интересные способы, связать тебя? — спросил он.

Нет-нет-нет... да что он говорит такое? Он снова захочет, чтобы я встала на колени? И он ещё много чего неприятного захочет? И даже связать меня?

Его увлечение вязкой узлов вдруг открылось передо мной с другой стороны!

— Ты станешь прекрасной женой, — довольно заключил Габриэль. — Светлая моя Сэл.

Только Габриэль называл меня “Сэл”, и если раньше мне это нравилось, то сегодня я возненавидела это прозвище.

“Прекрасной женой” — эти два слова всё ещё звенели у меня в голове.

И я бы наверное грохнулась в обморок, но в зале стихла музыка, да причем так резко, будто её перерезали золотыми ножницами.

Король Алларик II Астэрн поднялся с трона и зал встал вместе с ним. Лёгкий шелест тканей, звон бокалов, единый вдох. Все приготовились слушать речь короля.

Его Величество был тем типом правителя, которому не нужно повышать голос: тишина сама приходит и садится у его ног. Я почему-то представила тишину женщиной, опускающейся на колени....

— Леди и лорды Соларии, — произнёс он, и слова прозвучали гладко, заскользили, как тряпица по полированному мрамору. — Сегодня наш двор празднует помолвку. Союз,

который должен укрепить не только два глубоко уважаемых дома, но и весь порядок Светлых земель.

“Глубоко брать в горло”...

Я стояла рядом с женихом, застывшая, словно статуэтка из мариэнского стекла. Пресветлая богиня. Я больше не хочу замуж за Габриэля!

Сердце грохотало, как сумасшедшее.

А король продолжал:

— С древних времён Солария держится на трёх столпах: на вере, на законе и на служении. На Источнике, что исцеляет. На короне, что хранит. На крови, что помнит цену мира. Сегодня леди Селестина Люмерис, дочь нашего канцлера, делает шаг ближе к своей судьбе, — сказал король. — И да будет этот шаг благословлён Светом... и разумом.

Слева от меня отец чуть заметно выпрямился, как будто это была его личная победа.

У меня внутри что-то щёлкнуло.

Не нежность. Не радость.

Щелчок замка.

Замка клетки, в которую я скоро попаду.

И никто уже не спасёт от тех унижительных вещей, которые ещё для меня подготовил мой благочестивый, безупречный до недавнего времени Габриэль.

Ни один тёмный не войдёт в нашу супружескую спальню и не остановит мужа от того, чтобы он взял свою жену, как того пожелает... даже если и связанной, и наученной, как

“расслабляться, когда больно”...

— А сир Габриэль Эверлин, достойный сын Соларии и опора Ордена Белого Пламени, — продолжил Его Величество, — берёт на себя честь и ответственность вести её. Как подобает мужчине Светлой Державы.

Я почувствовала, как рука Габриэля сжалась на моих пальцах, словно удавка на горле.

Король поднял бокал.

— За чистоту намерений.

Да уж. Очень чистые у Габриэля были намерения, когда он снимал штаны перед моим лицом!

— За союз, который будет светлым — не по словам, а по делам.

Бокалы поднялись над залом.

— За Соларию, — сказал король.

— За Соларию! — ответил зал.

Блеснули улыбки. Зазвенели бокалы. Аплодисменты прокатились красиво и ровно.

И всё бы закончилось на этом, если бы не... ритуал.

Я должна произнести слова клятвы!..

Отец чуть ближе наклонился к моему уху и почти беззвучно проговорил первые слова — как когда-то, в детстве, диктовал мне молитвы перед Синодом.

— “Светом Источника...” — подсказал он.

Я подняла голову. Вуаль мягко задела щёки. Зал смотрел на меня.

Король — тоже.

Я почувствовала, как сердце делает лишний удар.

Габриэль больно сжал мои пальцы.

Глава 5. Клятва

— Селестина, говори слова клятвы! — зашипел на меня отец. — “Светом источника”.

Я сглотнула комок в горле.

Долг. Послушание. Жизнь во имя других.

С детства мне в душу вкладывали эти заповеди Пресветлой.

Я росла на историях о мучениках, отдавших жизни, чтобы удержать границу Тьмы; о целительницах, истощивших себя до последней капли света, чтобы спасти деревню от скверны.

Моя мать, леди Элиана, была живой иконой — её кротость, её бесконечное, всепрощающее милосердие считались эталоном.

Я должна была учиться у неё. Я же всегда желала быть как она!

Так почему сейчас хотелось заорать во всё горло?!

Я верила в Свет. В живое, тёплое начало, которое я чувствовала в каждой клеточке своего тела, особенно когда исцеляла пациентов.

Быть честной, доброй, жертвенной — это не было для меня тяжкой повинностью. Это было естественно. Как дышать.

Мои личные желания? Они всегда были на втором, на третьем месте.

“Интересы одной девушки, даже самой одарённой, ничего

не значат перед лицом благополучия тысяч людей”, — говорил отец.

И я соглашалась. Это ведь правильно.

Ладно. Я скажу. Конечно, я скажу это! — умоляла я саму себя, пытаюсь заглушить внутренний крик.

— Селестина, — меня позвала мама.

Я посмотрела на неё, ища в родных глазах хоть каплю нежности и понимания. Но её лицо было безэмоциональным. Гладким, как поверхность замерзшего озера. В нём читалось только ожидание. Ожидание, что я исполню свой долг. Как она исполняла свой каждый день.

Её молчание было громче любого приказа.

В конце концов — я лихорадочно пыталась найти спасительную лазейку — если станет совсем не вмоготу... помолвку ведь можно расторгнуть! Приду к отцу, к матери, расскажу им всё... всё, что было в той комнате. Они поймут. Они же любят меня. Они защитят свою дочь...

Но даже мысль об этом предательстве — предательстве долга, государства, доверенной мне миссии — вызывала во мне приступ тошноты. Я представляла разочарование в глазах отца, боль в глазах матери.

Я не могла с ними так поступить...

Я глубоко вдохнула, выпрямила спину.

Слёзы отступили, дав место чувству долга. Оно обволакивало боль, как целебный бальзам, превращая её в нечто возвышенное и горько-сладостное.

Во имя мира. Во имя света и порядка.

— Светом Источника, — уверенно произнесла я, — я принимаю благословение короны и волю моего дома.

Отец едва заметно кивнул.

— *“И обещаю...”* — шевельнул он губами.

— И обещаю, — продолжила я, — хранить честь Соларии и нести мир... в пределах закона и долга.

Это была формулировка, которую любил отец: “мир в пределах закона”.

В зале одобрительно зашептались. Я услышала, как кто-то умиленно всхлипнул. Кто-то хлопнул в ладоши раньше времени.

Габриэль наклонился и прошептал почти нежно:

— Ты великолепна, Сэл.

“Сэл”...

Я не посмотрела на него.

Потому что в голове всплыло другое: *“Ты должна ублажать мужа”*, и от это его комплимент стал скользким, как тот мерзкий мокрый поцелуй часом ранее.

Ну ничего, я поговорю с ним. Попрошу так больше не делать. Он слушает!

Мы станем мужем и женой, у нас будут открытые и честные отношения, мы всё обсудим.

В конце концов, иногда я смогу и потерпеть то, что там Габриэлю “нужно как мужчине”... Иногда это же не страшно, да?

Король кивнул, словно отвечая на мой вопрос.

Знает ли он, что меня ждёт?

Знают ли они все?

Музыка снова поднялась, возвращая залу дыхание.

А отец выпрямился и сказал мне уже совсем тихо, так, чтобы слышала только я:

— Видишь? Ничего сложного. Просто не забывай, кто ты.

Да, Селестина, не забывай кто ты. Ты дочь канцлера, ты целительница.

Целительница...

Это понимание немного успокаивало.

Да после замужества у меня будет столько хлопот с исцелениями, что Габриэлю просто не будет хватать времени на все эти выходки!

Я облегчённо выдохнула, но рано — герольд объявил наших опоздавших на бал гостей.

— Леди и лорды, — произнёс он, — сегодня в Соларии присутствуют те, кого мы не видели при дворе слишком давно. По воле Его Величества и ради Пепельного Перемирия... я имею честь представить его Тёмное Величество — Люциан Ноктарион, Владыка Доминиона! И члены Совета Когтей: генерал-лорд Велкан Дракс и командор ордена Пепла лорд Каэль Вархейм!

Я ощутила, как напрягся Габриэль рядом со мной.

И я сама напряглась.

Отец слегка наклонился ко мне, почти ласково:

— Мы должны встретить их первыми.

Я улыбнулась. Зачем только? На мне же всё равно вуаль...

И почувствовала, как в зале меняется воздух.

Они вошли — тёмные.

Впереди шёл статный мужчина.

Чёрный мундир, безупречная осанка, шаг человека, который ни у кого не спрашивает разрешения ни на что...

Я смутно узнала его даже раньше, чем подняла глаза.

По тому, как тьма зашевелилась в помещении.

По тому, как люди перед ним расступились...

По тому, как внутри у меня стало холодно и одновременно слишком жарко.

Я подняла взгляд.

И увидела глаза того тёмного, что парой часов ранее шнуровал мой корсет.

Щёки обдало жаром, дышать стало тяжело.

Люциан Ноктарион.

Это был Люциан Ноктарион!

— Ну же, Селестина, идём к нему! — нетерпеливо сказал отец.

Глава 6. Сэл

Люциан слегка наклонил голову. Почти вежливо.

— Идём, — уверенно сказал отец и повёл меня через зал к группе тёмных.

Сколько всего страшного я про них слышала...

Что они соблазняют и крадут женщин, что отдают украденных детей в жертву своей тьме, что половина людей у них выглядят как бездушные куклы! Это тьма на них так влияет.

И если в спальне на коленях перед Габриэлем всё, о чём я могла думать, был стыд, то сейчас я всерьёз испугалась.

Габриэль шёл рядом, с идеальной осанкой, с улыбкой примерного рыцаря. Я чувствовала, как его рука то и дело касается моей, словно он пытался напомнить мне, кому я принадлежу.

Но в мире тёмных не Габриэль задавал тон...

Мы подошли.

Перед нами был он. Тот самый. Не просто “тёмный” из спальни. А их правитель. Самый жуткий из тёмных.

Его лицо, которое я тогда почти не рассмотрела, было поразительно запоминающимся: жёсткие, правильные черты, бледная кожа, чёрные волосы. И глаза. Те самые глаза цвета беззвёздной ночи, которые я видела в свете гостевой спальни. Выкованный из мрамора образчик мужчины.

Люциан Ноктарион стоял в центре своей свиты с эмбле-

мой Доминиона на груди. Не сияющей, а матовой, будто выжженной в ткани.

Рядом два генерала. Я к своему ужасу поняла, что именно они сегодня днём вынесли Габриэля из гостевой комнаты под локти...

От залившего меня стыда, я снова перестала дышать.

Отец остановился на почтительном расстоянии и поклонился — правильно, без лишней покорности, но и без высокомерия.

— Ваше Тёмное Величество, — произнёс он так, как было принято. — Солария приветствует Доминион. Я, лорд-канцлер Эдмонд Люмерис, благодарю вас за прибытие.

Люциан слегка наклонил голову.

— Лорд-канцлер, — ответил он ровно.

Время остановилось.

— Сегодня день особый, — продолжил отец. — Помолвка моей дочери, леди Селестины Люмерис, с сиром Габриэлем Эверлином, — он сделал лёгкий жест рукой, представляя нас как две фигурки на доске для игры в светотень.

Габриэль тут же выступил вперёд и поклонился.

— Ваше Тёмное Владычество, — проговорил он с благопристойной учтивостью. — Для меня честь приветствовать вас в Соларии.

Люциан посмотрел на него. Вежливо.

И от этого вежливого взгляда Габриэль словно стал ниже ростом.

— Сир Габриэль, — произнёс Люциан Ноктарион обманчиво мягко. — Я надеюсь, вы сохраняете честь Соларии не только на церемониях но и за закрытыми дверями.

Один из генералов едва заметно усмехнулся, другой и глазом не моргнул.

Габриэль замер на долю секунды, но тут же улыбнулся шире.

— Разумеется, милорд.

Всевышний. Какой же стыд! А если эти тёмные решат сейчас рассказать о том, что видели?!

— Прекрасно, — сказал Люциан и повернулся ко мне.

Я ощутила его взгляд почти физически. Он скользнул по вуали, по линии плеч, по рукам в перчатках — и остановился там, где у меня на бедре, под тканью, лежала его монета.

О Пресветлая!

Он же не может её чувствовать?!

Но он тёмный. Кто их знает? Вдруг может?!

Отец сделал шаг ко мне, подталкивая меня к тёмному.

— Селестина, — сказал он тихо, не глядя на меня. — Поприветствуй Владыку Доминиона.

Я присела в книксене так правильно, что любая из моих наставниц по этикету расплакалась бы от гордости.

— Солария приветствует вас во Дворце Короны.

Его взгляд скользнул по мне — от тиары до кончиков туфель — и в нём не было и тени того насмешливого интереса, что был раньше. Только холодная, официальная вежливость.

— Леди Селестина, — произнёс Люциан Ноктарион, Владыка Доминиона. Его голос был ровным, вежливым, лишённым каких-либо намёков. — Мои поздравления с обручением. Желаю вам... всяческого благополучия.

Он взял мою руку и наклонился, чтобы совершить светский поцелуй в воздухе над моими костяшками. Его губы не коснулись перчатки, но его дыхание опалило голый участок кожи над её краем.

Я сглотнула, собрав всю выучку, вбитую в меня с детства.

— Благодарю вас, Ваше Тёмное Владычество. Рада видеть вас в наших землях.

Фраза прозвучала идеально. Холодно и вежливо. Как надо!

— У вас прекрасная дочь, лорд-канцлер. Образец... светской выучки.

Отец, ничего не подозревающий, слегка поклонился.

— Вы слишком любезны, — сказал он.

— А как вы выбрали имя дочери? — вдруг спросил Люциан. — Такое редкое “Селестина”...

— Его выбрала моя супруга, — улыбнулся отец и его взгляд скользнул к моей матери, что разговаривала с другими дамами.

— Позвольте уточнить, леди Селестина, — сказал Люциан с безупречной выдержкой, но я знала, что за этими манерами скрывается усмешка размером с Пепельное ущелье! — Как называют вас близкие? Сэл?

Глава 7. Взгляд...

— Я предпочитаю “Селеста”, — ответила я, благодаря Всевышнего за чудесную традицию светлых — вуаль на лице невесты. Она скрывала не только лицо, но и панику, вспыхнувшую в глазах.

— Я запомню, — сказал он и, будто разговор исчерпан, повернулся к отцу, задавая вопросы о границе, о том, когда они займутся обсуждением пунктов перемирия, о том, сколько дней Доминион будет гостить в “Сиянии”.

И больше ни одного лишнего намёка.

Люциан Ноктарион никак не выдал, что мы уже встречались. Ни взглядом, ни словом, ни тем самым оттенком насмешки, от которого у меня внутри холодело.

Да я чуть в обморок не упала, когда он назвал меня “Сэл”! Именно так ко мне обратился Габриэль, когда генералы-тёмные выносили его из спальни.

Этим коротким словом, всего три буквы, Люциан Ноктарион, опаснейший из тёмных, показал мне, что знает мой грязный и позорный секрет.

О Пресветлая, зачем же Габриэль поставил меня в эту ужасную ситуацию?

Наш самый опасный враг, который впрочем сейчас считается союзником, имел теперь рычаг давления на меня. И ведь недаром про тёмных говорят, что они знают пороки других

людей и умело играют на них. Что если он захочет шантажировать? Он и не на такое способен! По слухам он ужасный человек. Жестокий, строгий, держит всех в страхе...

Надеюсь, он окажется благородным и никому ничего не скажет.

Благородный и тёмный в одном предложении?

Я фыркнула, и Габриэль недовольно на меня покосился.

Снова посмотрела на Люциана.

Красивый.

Габриэль тоже красивый, но сейчас его привлекательность казалась мне фасадной. Этот же мужчина... С одного беглого взгляда на него становится ясно, что он решит любую проблему, любой вопрос, даже если для этого понадобится убить...

При этом Люциан Ноктарион держал лицо так же безупречно, как держали его мы в Соларии. Только у него и остальных его тёмных эта безупречность не казалась маской, как у нас. Она словно бы была их оружием.

В любом случае, он дал мне возможность остаться не опозоренной.

Пока.

И как бы я его не боялась, я была ему благодарна. Но боялась всё-таки больше!

Я выдержала ещё несколько минут, а потом почувствовала, что больше не могу.

— Прошу меня извинить, — сказала я, поклонившись и

быстрым шагом отправилась к матери.

Я чувствовала на себе его взгляд, когда сбегала. Странно, но я почти физически чувствовала его на себе...

Мама, недовольная моим уходом, тоже отошла от дам и встретила меня у колонны.

— Мама... у меня болит голова, — прошептала я, стараясь удержать голос ровным.

Леди Элиана Люмерис вздохнула, отвела меня в сторону и откинула вуаль.

Её хмурый взгляд пристально изучил моё лицо, будто оценивая степень риска.

— Ты бледна, — сказала она и положила ладонь на мою щёку.

Руки целительницы. Точные. Уверенные.

— Отведи её, — бросила она служанке, и это прозвучало так, будто речь о кувшине, который надо убрать подальше, чтобы не разбился у всех на глазах.

Отец даже не повернул головы — он был занят политикой.

Габриэль сделал шаг, будто хотел пойти со мной, но мать остановила его одним взглядом.

— Сир Эверлин останется, — сказала она мне. — Его обязанности сегодня... иные.

Я хотела сказать ей сразу. Прямо сейчас. Что нельзя мне теперь замуж за Габриэля, что надо всё переиграть. Но мама была недовольной и нервной.

— Эти тёмные, — с отвращением выплюнула она.

Да, сейчас не лучшее время для серьёзного разговора.

— Иди к себе, на сегодня ты со своей задачей справилась.

Я поклонилась ей, опустила обратно вуаль и проследовала за служанкой к выходу из тронного зала.

Перед самой дверью я снова почувствовала взгляд Люциана Ноктариона. Бред... показалось наверное. Я сдержалась и не обернулась.

Только в своей комнате я смогла спокойно выдохнуть.

Велела снять украшения, расшнуровать корсет, распустить заплетённые волосы и оставить меня в покое.

Я долго лежала в ванной, пыталась усмирить ум и душу, которую так легко всколыхнула выходка Габриэля. Но у меня решительно не получалось перестать думать об этом всём! О страшных властных тёмных, о циничности моего отца, о порочности Габриэля... и о взгляде тёмного.

Именно мысль о его пронзительном взгляде заставила меня вскочить из купели, расплескав воду. Что-то с ним не так. С этим взглядом!..

В этот же момент в дверь постучали. И я вздрогнула всем телом от неожиданности.

— Да? — спросила, совладав с собой.

Глава 8. Срочно

Я схватилась за полотенце, когда за дверью раздался голос служанки:

— Миледи, из госпиталя вызывают. Говорят, срочно!

Я выдохнула.

Даже хорошо, что придётся ехать в город на ночь глядя. После такого дня сон всё равно был бы наказанием: лежать в тишине и снова и снова прокручивать чужие слова, взгляды и собственный стыд.

— Дайте мне минуту. И предупредите Ральфа — он поедет со мной.

Одну за пределы дворца отец не отпускал меня решительно никогда, считая, что это может быть опасно. Но я и не возражала — в госпитале всегда не хватало рук, так почему бы и не использовать охранников в качестве помощи? Правда не все из моих бедных стражников выдерживали. Порой лекарское дело куда более жестоко, чем военное.

Я переоделась в свою рабочую форму, накинула на плечи плащ, заплела волосы в простые косы и вместо того, чтобы отправиться спать, приготовилась к дороге.

У двери уже ждали двое охранников. По их лицам было видно: они мечтали о вине и музыке, а не о ночной поездке к больным.

Сторожить леди под люстрами тронного зала — это од-

но. А тащиться в госпиталь к беднякам, где пахнет кровью и страхом, — совсем другое.

Но если главный лекарь, дед Вартаг, вызвал меня в день помолвки прямо с бала, значит случай действительно сложный, и ждать нельзя.

— Идём, Ральф, — устало сказала я старому стражнику.

— Вам бы отдохнуть, миледи! — с укором ответил он, но всё же послушался. — Во дворце бал в вашу честь... Разве вы не хотите потанцевать?

Я вдруг представила, как бы танцевал тёмный... Он точно не стеснялся бы окружающих, двигался бы раскованно, так, будто мир обязан уступать ему место. Он тесно прижал бы меня к себе, игнорируя приличия и... Я тут же отогнала от себя эти позорные мысли.

— Потанцую с жизнью и смертью в госпитале... — произнесла отрешённо.

Мы быстро прошли по коридорам “Сияния” и вышли в холодную ночь. Звёзды мерцали высоко в небе, залитом божественными чернилами. Я резво поднялась на ступеньку-подставку, ухватила за луку седла своей лошади и всунула ступню в стремя, собираясь сесть без дамских церемоний — по-мужскому, но...

— Селестина!..

Сердце моё провалилось куда-то вниз.

Ральф и второй страж мгновенно взяли за оружие.

А я обернулась.

Слишком резко обернулась.

Потому что этот голос теперь не могла спутать ни с каким другим...

Он вышел из тени не спеша, как будто не шёл по-человечески, а материализовался из самой ночи. Его чёрный мундир сливался с темнотой, и лишь серебряные застёжки да края эполетов отсвечивали тусклым блеском в свете редких фонарей конного двора.

Люциан Ноктарион.

Я замерла на ступеньке с одной ногой в стремях, и, как назло, нога застряла! Ни сесть, ни спуститься. Поза ужасно нелепая. И совершенно недопустимая для леди. Унизительнее вдвойне, что у этого был свидетель.

— В-в-владыка... — выдохнула я.

Ральф и второй стражник неохотно убрали оружие.

Вуали на мне не было, так что я склонила голову, прикрывая лицо глубоким капюшоном и отчаянно пытаюсь вытащить ногу из стремя.

— Кажется, я застал вас в момент побега, леди Селестина, — произнёс Люциан Ноктарион и подошёл ближе.

Я теперь смотрела на него сверху вниз, но превосходства совсем не чувствовала.

Владыка тёмных протянул руку.

— Позвольте?

Я посмотрела на своих охранников. Это же совершенно неприемлемо! Разве они не должны вмешаться?! Но оба мо-

их стражника сосредоточенно смотрели в сторону.

Люциан не стал ждать моего ответа — осторожно вытащил мою ступню из плена, не побоявшись взяться за пятачку простых рабочих сапог, что я всегда надевала при поездке в город.

— Расскажите, что у светлых за традиция такая — кататься по двору, когда “болит голова”? — спросил он, ставя мою ногу на ступеньку.

— Мне нужно уехать, Ваше Тёмное Величество. Дело не терпит отлагательств.

Я сильнее опустила голову, прикрывая лицо. Глупо. По-детски. И почему-то именно это его развеселило.

— Вы слишком высоко поднялись, леди Люмерис, — произнёс он негромко, подавая мне руку, чтобы я спустилась.

Секунду я смотрела на его протянутую для меня руку.

— Так только кажется, — ответила и всё же спустилась, держась за его тёплую — даже сквозь перчатки почувствовала — ладонь.

Теперь я снова была ниже его.

Он откинул капюшон моего плаща, заставив меня встретиться с его взглядом.

— Какое же дело у дочери канцлера среди ночи? — спросил он мягко. — Неужели вы решили наверстать... то, к чему сегодня оказались... кхм... не подготовлены?

Я не смогла удержать лицо.

Я не смогла!

У меня рот открылся от такого пошлого и ужасного предположения.

Он предположил, что я еду не в госпиталь, а в дом удовольствий?!

Во дворе вдруг пропал весь воздух! Мне дышать стало нечем от возмущения!

Взглянула затравленно на Ральфа и второго стражника, что усиленно смотрели по сторонам, делая вид, что ничего не слышат.

— Они и правда ничего не слышат, я наложил на нас полог безмолвия.

Я сжала зубы.

— Даже если и так.

Я выхватила свою ладонь. Он усмехнулся.

— Я серьёзно. Куда вы направляетесь? — спросил он, находясь как-то ближе, чем допускали нормы приличий.

— Слава Пресветлой, вас это никак не касается, — сказала я, расширяя расстояние между нами.

— Как же. Я приехал на *ваш* праздник, а вы ходите непонятно где, когда должны радостно праздновать свою помолвку!

— У целительницы нет праздников, — ответила я, сама не замечая, как в голосе появляется сталь. — Есть только работа.

Уголок его губ дрогнул.

— Светлая целительница значит, — сказал он задумчиво.

Затем посмотрел на одного стражника, на другого, на мою сумку с инструментами.

— Так это вы...

Слава обо мне разошлась по землям, как бы мы не скрывали мой дар. Никто не знал, кто именно вылечивает самые запущенные случаи, но легенды о “Великой светлой целительнице” ходили разные.

— Не понимаю, о чём вы, — сухо сказала я. — Мне пора, благодарю за...

Я замолчала. За что мне его благодарить? За то, что он выуживает все мои секреты один за другим?

— Монета при вас? — спросил он.

Я моргнула.

— Что?

— Монета, которую я дал вам, леди Люмерис.

Люциан вдруг нахмурился.

Я вспомнила, как раздевалась перед тем, как принять ванну, и что монета осталась лежать там, на полу, в снятой одежде...

Люциан вздохнул и взял мою ладонь.

— Что вы себе позволяете? — я тут же дёрнулась, пытаюсь высвободиться, но он держал крепко, сжав мои пальцы в кулак.

Его глаза вдруг загорелись серебром, так красиво.. будто кто-то расплавил звёзды.

— Никогда не оставляйте её, Селеста, — сказал он, и я

почувствовала, что у меня в ладони теплеет что-то круглое.

Люциан отпустил меня.

Я раскрыла пальцы.

На ладони лежала та самая монета.

Я подняла взгляд — передо мной никого не было.

Только ночь, лошади, стража, которая так и “охраняла периметр”, и звёзды над “Сиянием”, будто всё это мне помешлось.

Но монета была в руке.

И от неё исходило еле заметное, упрямое тепло.

Да как ему удаётся?! Неужели он и правда повелевает тьмой и тени его спрятали?

Мурашки пробежали по коже.

Но монету я сунула в корсаж.

Глупо. Мало ли какой артефакт он мне дал... но интуиция подсказывала, что эту монету нужно сохранить.

Я молча взобралась на лошадь.

Путь до нижнего города хоть и не был близким, а мне всё равно не хватило времени, чтобы успокоиться. В госпиталь я приехала, как была, взвинченная. И ещё эта монета нагрелась под корсажем, как живая, напоминая о пронзительном взгляде своего хозяина и о том, как легко он проникал в мои секреты.

Госпиталь "Белого Источника" тоже не встретил меня спокойствием. Лицо дежурного лекаря было серым от усталости.

— Слава Пресветлой, что вы приехали. Дед Вартаг в палате номер семь с пациентом... Мы не знаем, что это. Не чума, не теновая лихорадка. Это что-то... другое.

Глава 9. Свет, тьма и другие таланты...

Госпиталь столицы пах не духами и воском.

Он пах кровью, травами и человеческим страхом. Там на меня смотрели открыто и с надеждой, без жеманства и кокетства. А дед Вартаг и вовсе даже не называл меня “леди”.

— Пресветлая, инструмент.

— Селеста, у нас тяжёлый, несите бинты.

— Милая, он задыхается, бегите сюда.

И я шла, бежала, подавала инструменты...

И порой мне казалось, что только здесь, в прихожей у смерти, я по-настоящему жила.

Здесь моя жизнь обретала какой-то смысл — помогать другим, спасать, лечить, возвращать людям дыхание. В замке же... среди жеманства, подковёрных интриг и интрижек я ощущала только скуку.

В комнате лежал мальчишка лет десяти — худой, серый, с губами цвета пепла. Он цеплялся пальцами за рубаху отца, держался за него, как за жизнь. И каждый вдох давался ему так, будто воздух был смешан со стеклом.

— Я уже всё перепробовал, — прошептал дед Вартаг. — Вторые сутки...

Он не договорил. Не надо было.

Я и так видела: руки мальчика были чёрными до самых плеч, будто кто-то макнул их в золу.

Бедный ребёнок!

Я кивнула и опустилась рядом. Положила ладони ему на грудь.

— Смотри на меня, — сказала ласково. — Дыши со мной. Раз... Два...

Он пытался. На третьем вдохе закашлялся — глухо, надсадно — и на белой простыне остались чёрные следы, как от сажи.

Один из санитаров вскрикнул.

— Скверна... — шепнул кто-то.

— Все на выход, — отрезала я и закрыла глаза — знала, что Ральф не будет спрашивать, зачем, он просто вытолкает всех за дверь и удержит там.

Дар отозвался мгновенно, словно только и ждал, чтобы я им воспользовалась.

Внутренним взором я увидела, как болезнь сидит в мальчике тугим узлом, завязанным за лёгкие, будто это его законное место.

Я осторожно потянула — и узел... поддался, начал развязываться, как шёлковая лента.

Слишком легко.

Будто позволял мне. Будто убаюкивал: *вот, смотри, как просто, Селеста...*

Бред. У болезней нет мыслей. Они не живые.

Я вытягивала слой за слоем — терпеливо, медленно, нежно.

Забрала уже почти всё, и на секунду мне показалось, что сейчас всё закончится, как тёмное пятно, до этого замершее и вялое, вдруг вцепилось в моё нутро! Яростно. Жгуче!

Боль ударила в виски так, что мир качнулся.

В горле стало жечь, будто я вдохнула дым.

Грудь сжало, словно чьи-то ледяные пальцы стиснули сердце, не разрешая ему биться.

Я всё ещё удерживала эту странную болезнь мальчика, всё ещё тянула на себя, но она всё не кончалась! Бесконечный клубок тьмы распутывался из лёгких мальчишки, но проникал всё глубже в меня.

Я не смела сжечь его Светом сразу. Пока в мальчике оставалась хотя бы ниточка — я могла задеть его. Сжечь ребёнка вместе с тем, что пытаюсь вытащить.

И тогда я поняла самое страшное.

Эта тьма была особенной.

Она будто обладала сознанием!..

Будто понимала, что я берегу ребёнка, что лежит передо мной без сил.

Будто пользовалась этим, чтобы сейчас забраться в меня поглубже. Закрепиться. Завязаться узлом, который уже не развяжешь!

Она чувствовала мою осторожность. И пользовалась ей, как собственным оружием.

Я призвала внутренний свет, чтобы удержать метающуюся по моей душе тьму, не давая ей разрастись.

Удерживала внутренний щит. Продолжала тянуть.

Слой за слоем.

Слой за слоем.

Пока узел в лёгких мальчишки не распался совсем.

Всё!

Ребёнок судорожно вдохнул — глубоко, по-настоящему.

Плечи его дрогнули, губы начали медленно возвращать цвет.

Его отец, стоявший рядом, разрыдался в голос!

Вартаг что-то пробормотал — молитву или ругательство, у него это иногда было одним и тем же.

Я почувствовала удовлетворение.

Теперь ребёнок здоров, осталось только испепелить эту тьму, что я вытянула на себя... Стиснув зубы я довела Свет до предела — так, что мир на секунду исчез, а осталась только белая, беспощадная пустота.

Я превратила эту тьму в ничто. В пепел. В отсутствие.

Ноги подкосились. Я вдруг обессилила.

Ральф подхватил меня, он знал о моём даре...

— Пресветлая... вы... — начал отец ребёнка, тут же бросаюсь мне в ноги.

— Дед Вартаг, — прошептала я и вытерла пот с виска.

Он кивнул и повернулся к мужчине на коленях.

У Вартага был свой уникальный дар — он умел манипулировать сознанием. Убрать боль, когда надо. Подчистить па-

мать...

Я поднялась, пошатываясь, и прошла к умывальнику, чтобы никто не видел, как дрожат мои пальцы.

Холодная вода обожгла ладони.

Я посмотрела на своё отражение — и на секунду мне показалось, что в радужке проскользнула тень. Совсем лёгкая. Как дымок над обычной свечой.

Я моргнула. Видение исчезло.

Наверное, просто усталость...

Наверное.

Дорога до замка была необычайно долгой.

А в комнате меня ждал... жених.

Глава 10. Допрос

Войдя в свою комнату, я увидела его.

Габриэль стоял у камина, спиной ко мне.

Смертельная усталость навалилась на меня ещё в госпитале, сейчас же я хотела только поскорее остаться одна, прикоснуться головой к подушке и проспать до обеда.

— Что ты здесь делаешь? Тебе вообще не важна моя репутация? — спросила я резко.

Это от усталости. В иной ситуации я бы вежливо попросила Габриэля покинуть мои покои.

Но когда увидела в его руках плащ тёмного... Тот самый, что я засунула на дно сундука с зимними вещами под горностаевые мантии. Всё внутри меня взбунтовалось.

— Ты трогал мои вещи без разрешения? — голос мой сел.

Он медленно обернулся. Его лицо было бледным и злым. Необычайно злым. Глаза его блестели неестественным блеском. Только теперь я заметила запах дорогого выдержанного вина. Он пьян?..

Я попыталась вернуться к двери, но он сделал шаг наперерез.

Ральф дежурил за дверью — и я молилась, чтобы он услышал, если я закричу.

— Моя будущая жена не должна принимать подарки от тёмных, — произнёс он с неестественной чёткостью, окон-

чательно отрезая меня от выхода. — Особенно такие... интимные.

— Подарок?! — вырвалось у меня. — Я должна была прикрыть расшнурованный в той комнате корсет!

— В той комнате, — он передразнил меня, сделав шаг вперёд. Плащ упал на пол. — В той комнате, где ты была одна с ними. Где я, твой жених, был унижен и выброшен вон, как лакей! И ты ещё что-то взяла у него? Что ещё он тебе дал, Сэл? Какие ещё “сувениры” ты припрятала?

Он подошёл близко. Слишком близко. Его дыхание, сдобренное вином, неприятно обжигало.

— Как ты нашёл плащ? — спросила я холодно, игнорируя все нападки.

Уголок его рта дёрнулся в кривой усмешке.

— Твоя служанка. Лизетта, кажется? Очень преданная девушка. Преданная короне. И будущему командору ордена Белого пламени. Она хорошая девочка. Сразу сообщила мне, что ты что-то прячешь.

И это его “хорошая девочка” прозвучало как-то мерзко...

— Ты... она следила за мной для тебя? — спросила я, хмурясь. — Зачем?

— Я хотел быть уверенным, что ты ведёшь чистый, безупречный образ жизни! — рявкнул он в ответ, и его рука молниеносно впилась мне в запястье. Больно. Так больно, что я ахнула. Его пальцы были как стальные тиски. — Ты моя! Моя собственность! И я не позволю тебе испортить всё

из-за какого-то... тёмного!

— Габриэль, сейчас же отпусти меня. — Попыталась я вырваться, но его хватка только усилилась.

Он вдруг прижал меня к столбику кровати.

— Прекрати! Если бы не твоя “авантюра” в гостевой спальне, я бы никогда не оказалась с этим тёмным наедине! — высказала я, и воспользовавшись тем, что он хотел перехватить меня поудобнее, выпуталась из его хватки — теперь между нами была кровать. — Ты сам поставил меня в эту ситуацию, и ещё и отчитываешь за какой-то плащ.

— Что ещё он тебе дал, а? — спросил Габриэль, делая ко мне шаг. — А может он что-то забрал у тебя? М? Девственность?

— Что?.. — у меня даже голос сорвался.

Да я за руку ни с кем не держалась за всю жизнь. Ни с кем, кроме Габриэля.

Сейчас захотелось выкрикнуть ему в лицо всё, что горело синим пламенем на душе.

Что мне противно было вставать перед ним на колени. Что его прикосновения раньше не вызывали у меня ничего, а теперь вызывают только отвращение. Что его “любовь” такая нежная раньше в последнее время пахнет грубой силой сейчас. Что я его по-моему больше не люблю. И что вообще не уверена, что когда-то любила, должно быть это была юношеская влюблённость, потому что любовь за пару дней не проходит!

Но слова застряли в горле комом стыда и правил приличия.

— О, смотри-ка, — прошипел он, подходя ближе ко мне, сокращая расстояние. — Хочешь сказать что-то, Сэл? Нет? Воспитание не позволяет? Правильная девочка.

И прежде чем я успела отпрянуть, он резко прижал меня к стене и начал задира́ть мои юбки.

— Прекрати!

Не прекращал.

Но под юбкой у меня скрывались узкие штаны для верховой езды. Пальцы рванули ткань, наткнулись на ремешки и шнуровку — и его хватка стала грубее.

— Ральф! — закричала я, что было мочи.

Стражник тут же оказался в моей комнате.

— Ральф, будьте так добры, проводите сира Габриэля в его покои. Он явно выпил больше необходимого на балу.

Я подставила своего стражника. Он не мог “вывести” Габриэля, Габриэль — будущий командор его ордена. Но другого выхода у меня не было.

И старый Ральф понял меня правильно. Да и Габриэль немного очнулся.

— Выкинь эту тряпку, — бросил он, пнув ногой плащ. — И забудь о нём. Если я узнаю, что у тебя есть что-то ещё от этого уroda... я лично отнесу это в Трибунал. Как доказательство твоей... нечистоты.

Он развернулся и, пошатываясь, вышел. Ральф посмотрел

на меня:

— Лекаря?

— Нет, — ответила я.

Я стояла посреди комнаты, дрожа всем телом. Щёки горели от стыда.

Ральф кивнул и вышел.

Я бессильно опустилась на кровать.

Слёзы покатались сами собой.

Да что же мне теперь делать?

И вдруг я почувствовала жар. Жар у самого сердца.

Сердце ёкнуло. Я сунула руку за шнуровку корсажа и вытащила монету.

Она была почти горячей. И на её поверхности, где раньше был лишь абстрактный узор, теперь светились ровным серебристым сиянием слова...

Глава 11. Тёмные сны

Я уставилась на монету и даже плакать перестала от такой наглости.

Да что этот тёмный себе позволяет?!

“Не доверяй светлым, целительница”

— А кому же мне по-твоему доверять? — прошипела я сквозь зубы, будто он мог меня слышать. — Тебе?..

Вся злость, скопившаяся за день, вдруг сузилась до размера монеты. До одного маленького кружочка, который захотелось сжать, выбросить, расплавить, сломать!

Но я не была бы Селестиной Люмерис, если бы позволила себе истерику из-за... да из-за чего угодно.

Я медленно выдохнула, вытерла слёзы, сходила умыться. Сняла платье, сменила бельё, накинула ночную рубашку. И старалась делать всё спокойно, будто это обычный вечер после обычного дня, и ничего странного сегодня не произошло.

Монета лежала на столике, чуть в стороне. И ладно. Я активно делала вид, что её не существует.

Легла под одеяло, отвернулась к стене и попыталась подумать, что же всё-таки делать с артефактом тёмного.

Спрятать? Отнести отцу? Уничтожить? Закопать?

Мысли не успели окончательно оформиться — усталость

накрыла меня тяжёлой волной, и я провалилась в сон в ту же секунду, как голова коснулась подушки.

Но как бы я ни надеялась, сон спасительным вовсе не оказался.

Он словно стал ещё одним моим испытанием.

И я его провалила.

Снилось мне нечто... непристойное. Недопустимое. То, от чего я в жизни отвернулась бы, зажмурилась бы, осенила себя знаком Пресветлой — и попросила бы прощения за саму мысль.

Отвратительное.

Гадкое.

Мерзкое.

Точнее.. оно таким должно было быть! Но во сне... во сне я так не думала.

Грубая ладонь огладила моё бедро.

Обнажённое.

Без церемоний.

Он сжал ягодицу.

Ощутимо.

Больно.

И — о Пресветлая — приятно.

Одно слово – сон. В жизни так не бывает. Не бывает же?

И в том сне я вовсе не хотела остановить его.

Не желала даже возмутиться!

Стукнуть по руке!

Выкрикнуть: “Как вы смеете!”

Нет.

Там, во сне, моё тело ответило на эти ласки предательской дрожью. Тёплой. Живой.

Щетина царапнула нежную кожу моей щеки.

Дыхание опалило ухо.

Я ничего не видела, только тьму, плотную, как капюшон.

Но чувствовала многое...

Ладонь снова прошлась по бедру — медленно, уверенно, без суеты. Так глядят не украдкой, не “вдруг”, не торопясь украсть кусочек. Так глядят то, что считают своим по праву. И в этой уверенности было что-то дикое... и нечестно притягательное.

Я должна была испугаться. Должна была проснуться, осенить себя знаком пресветлой, позвать Богиню, чтобы она прогнала бесовский морок.

— Селеста, — сказал он так, будто моё имя было ключом. Будто он повернул его и щёлкнул замком внутри меня.

Губы коснулись моего уха.

Тепло, влажность, шёпот... всё это запрещённое. Неприличное. О таком порядочные леди не думают!

— Миледи, просыпайтесь!

Я распахнула глаза. Надо мной стояла служанка. Свеженькая, собранная и с такой раздражающе приятной улыбкой, что стало как-то тоскливо.

— Вас ждут к завтраку, миледи. А нам ещё нужно приве-

сти вас в порядок, — сказала она бодро.

— Да, — ответила я слишком быстро. — Да, конечно. Готовь ванную. Я сейчас.

Служанка поклонилась и вышла.

И только когда дверь закрылась, я позволила себе вдохнуть глубже и сесть на кровати.

Опустила взгляд... и похолодела.

На моей ладони лежала монета.

Та самая.

Но я отчётливо помнила, как оставила её вечером на столике. Так почему она в моей руке?

Я медленно разжала пальцы.

По коже остался след — тонкий отпечаток от ребристого края.

Вот оно.

Я видимо что-то перепутала и уснула с этой штуковиной в руке.

И ночью, во сне... сжала.

“Насжимала” себе на голову! Активировала, видимо, это бесстыдство! Эту нелепую, отвратительную... притягательную ересь.

От осознания мне даже чуть полегчало.

Мне самой. Такого. Никогда бы не приснилось.

Никогда.

Я судорожно сглотнула и снова посмотрела на монету, лежащую на ладони.... Надеюсь, тёмному снился другой сон...

А вдруг...

О нет! Я вскочила с кровати. Сунула монетку под матрас и быстрым шагом отправилась в ванную.

Холодная водичка точно вымоет всю чушь из моей светлой головы.

Я вытерла лицо полотенцем, словно могла стереть с кожи и сон, и стыд, и чужое дыхание, которое до сих пор казалось мне слишком настоящим.

“Холодная водичка вымоет всю чушь из моей светлой головы”?

Беру свои слова обратно!

Она не вымыла.

Но хотя бы вернула мне самообладание.

Я надела простое утреннее платье, волосы убрали в аккуратный узел.

Три глубоких вдоха. Ровная спина.

Селестина Люмерис, дочь канцлера, не распадается на части из-за одного сна.

Даже если сон был... весьма убедительным.

Двери столовой распахнулись передо мной.

И я сразу ощутила, что завтрак сегодня — не совсем завтрак. Это скорее заседание.

Отец сидел во главе стола. Его идеальная осанка была знаком, что разговор уже начался и кто-то уже проиграл, даже если ещё не понял этого.

Мама расположилась по правую руку от него. Она была в

светлом платье, безупречная, как молитва. Лицо спокойное. Глаза холодные. Всё как всегда, в её облике редко что-то менялось.

Рядом с родителями сидело несколько лиц из Совета Света.

Хранитель Казны со своей извечной складкой у губ, от которой он казался недовольным. Хотя, может он и был недовольным?

Маршал Рассвета — тяжёлый, широкоплечий мужчина с безупречными манерами.

И, конечно, представитель Синода. Его я всегда побаивалась.

Я извинилась за опоздание, поймав недовольный взгляд матушки, присела в низком книксене и направилась к единственному свободному стулу, стараясь вообще ни на кого не смотреть.

Только разгладив складки на платье я подняла взгляд. Напротив сидели... тёмные.

Благодушная улыбка медленно сползла с моего лица.

Генералы Доминиона не выглядели удивлёнными.

И я не знала, радоваться этому или наоборот...

А Люциана рядом не было.

И, что странно, меня это одновременно радовало... и нервировало.

— Селестина, — произнёс Габриэль мягко, словно вчера ничего не случилось.

Мой жених сидел ближе к отцу, как положено будущему “родственнику”. Я — дальше, поскольку опоздала на завтрак.

— Как спалось? — спросил он.

Этот вопрос поставил меня в тупик.

Я должно быть покраснела как маковый цвет.

Попыталась справиться с эмоциями, ведь это был просто вопрос вежливости... но от ответа меня спас представитель синода.

— Вчера в городском госпитале Великий Светлый Целитель излечил заражённого мальчика от скверны, — произнёс он заинтересованно, — сегодня весь город об этом судачит.

У меня на секунду потемнело в глазах.

Габриэль побледнел так резко, будто слово “скверна” ударило его по лицу.

— Это невозможно, — выдохнул он.

Представитель Синода медленно сложил пальцы в замок.

— Невозможное, — сказал он спокойно, — иногда случается.

Я вспомнила пепельные губы ребёнка. Чёрные следы на простыне. Узел за лёгкими — тугой, чужой, неприятный. И то, как меня накрыло слабостью после...

Отец не изменился в лице. Только взгляд у него стал ещё более внимательным — холодным, оценивающим.

Я опустила глаза на край чашки. Держать лицо. Дышать.

Синод — последние люди, которым я бы хотела сообщить

о своём “особенном” даре.

— К чему ты завёл этот разговор, Тиберий? — спросил отец.

— Сегодня ночью привезли ещё пятеро таких заражённых, интересно, сможет ли Целитель спасти всех, — сказал он.

Пятеро?..

Я нервно сглотнула.

Тёмные странно переглянулись между собой.

— Отец, надеюсь, вы отпустите меня на помощь в госпиталь? У меня конечно слабенький дар, но свободные руки там всегда нужны, — тут же спросила я.

Мать одобрительно кивнула.

— У нас тоже не всё спокойно, — медленно сказал один из тёмных генералов. — Владыка как раз отправился решать этот вопрос. Целый отряд с границы вернулся заражённым.

— Скверна не уважает ни чины, ни границы, — сказал отец.

Тёмный чуть наклонил голову, соглашаясь.

— Именно поэтому, — мягко вступил Тиберий, — я рад инициативе леди Люмерис.

Он говорил так, будто похвалил меня.

Но я почувствовала страх.

Инквизитор потянулся к небольшому сундучку, что стоял перед ним на столе.

— Давайте же я проверю вас прямо сейчас, — сказал он

спокойно, доставая что-то из этого сундучка.

— Проверите? — холодно уточнила мама.

Мой страх медленно перерастал в панику, и только колоссальная выдержка позволила мне удержать лицо и не выказывать эмоций.

— Да, я переговорил с его Величеством сегодня утром, и он дал мне личное разрешение о проверке всех причастных к скверне с помощью артефакта.

— В этом нет необходимости, Селестина не соприкасалась с заражёнными, — воспротивилась мама.

— Это всего лишь формальность, — сказал Тиберий спокойно. — Как раз проверю, корректно ли работает артефакт. Он поднялся с места, обошёл стол и подошёл ко мне.

— Леди Люмерис, положите руку на камень.

Глава 12. Проверка

В моей голове возникло миллион вопросов, они забарабанили по сознанию, как тяжёлые капли дождя по лужам в королевском саду.

Что это за артефакт?

Что он видит? Скверну?

Покажет ли он, что мой дар... “неправильный”?

Что сделает Синод, если прямо сейчас узнает, что я не лечу пациентов светом, как положено, как это делают другие целители, а забираю болезнь, вытягивая её в себя?

Я испугалась.

Очень испугалась.

Но Тиберий протянул камень, и я вежливо улыбнулась, как улыбается друг другу светлая знать — безупречно, ровно, будто ничего в мире не может выбить Селестину Люмерис из колеи.

Даже если сейчас этот булыжник засветится всеми цветами радуги, демонстрируя, что мой дар “сломанный”, инквизитор не увидит страха в моих глазах.

Я спокойно положила ладонь на гладкую и холодную поверхность.

Тиберий смотрел на мою руку так пристально, будто ожидал, что кожа вот-вот почернеет у всех на глазах.

Секунда.

Две.

Внутри камня ничего не вспыхнуло. Не вздрогнуло. Не зашевелилось.

Вообще ничего не произошло.

Я даже позволила себе чуть наклонить голову и невинно спросить:

— Он... не работает?

Тиберий не улыбнулся.

Он поднял взгляд, но не на меня, а на моего отца, который тоже слегка улыбался.

— Работает, — сказал инквизитор медленно. — Только накануне утром проверил его на одном из заражённых.

Я похолодела. Что он сделал с больным?..

— В вас нет скверны, леди Люмерис. Как и ожидалось, — заключил он. — Иначе, вы не пережили бы это прикосновение.

В комнате раздалось коллективное “Ах!”

Тиберий и мой отец пристально смотрели друг на друга.

Я не спешила убирать ладонь. Нельзя было дать Синоду увидеть, как мне хочется отдёргнуть руку. Как страшно.

Нельзя демонстрировать степень внутренней паники.

Только когда я сочла паузу уместной, осторожно сняла пальцы с камня.

— Благодарю за проверку, — произнесла я учтиво и поклонилась расстроенному инквизитору.

Бедняга, рассчитывал убить меня на месте, а я не оправ-

дала надежд.

— Это было весьма бестактно с вашей стороны, Тиберий,
— не выдержав сказал Габриэль.

Я опустила голову, будто от скромности, а не для того, чтобы выпустить наружу гримасу брезгливости.

Нашёлся заступник.

А вчера?

Где была его тактичность вчера?

Думала, никто не заметил мою маленькую слабость, но подняв взгляд поняла, что за мной внимательно следит один из тёмных генералов.

Не с любопытством, но... оценивая.

Тиберий медленно повернул голову к Габриэлю.

— Вы хотите сказать, сир Эверлин, что королевский приказ... бестактен? — уточнил он.

Это было сказано мягко, но все мы наслышаны про мягкость Синода, мы буквально только что увидели, как эта мягкость проявляется. Габриэль побледнел и сжал челюсть.

— Что ж, — произнёс мой отец громко, поднимая кубок с вином, — продолжим завтрак!

Надо ли говорить, что завтрак прошёл отвратительно.

Я чувствовала опустошение после проверки инквизитором. Не облегчение, что жива, а именно пустоту, будто этот маленький эпизод выкачал из меня все силы.

Чувствовала взгляды тёмных. Внимательные, хоть и быстрые.

Чувствовала раздражение Габриэля, который видел, что тёмные на меня смотрят.

Чувствовала взгляды матери, которая тоже заметила этот театр.

Кусок в горло не лез.

После трапезы я переоделась и отправилась в госпиталь. Правда уже в коридоре вернулась обратно в комнату — сунула руку под матрас и достала монетку.

Не знаю зачем. Но после этого показательного выступления Тиберия с ней мне стало спокойнее, чем без неё.

“Не доверяй светлым”.

Да уж.

Следующие несколько недель я почти безвылазно провела в госпитале.

Во-первых, работы навалилось действительно много.

Скверна, раньше тихо подкрадывалась к Соларии, проявляясь по одному случаю в разных городах, чтобы никто не захотел поднимать тревогу. Но теперь заражённых было всё больше и больше.

По ночам я исцеляла одного за другим, а дед Вартаг подчищал всем память. Мы тратили по несколько часов на каждого, я выжигала скверну, пока тело не начинало дрожать от перенапряжения.

Днями приходилось заниматься обычными выздоравли-

вающими, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Но я радовалась такому количеству работы, ведь возвращаться домой в замок мне в любом случае не хотелось. От одной мысли о том, чтобы встретиться с Габриэлем меня подташнивало.

Работала, как проклятая, не обращая внимания ровным счётом ни на что.

Возвращалась поздно, выжатая до пустоты в глазах, чтобы просто выпастись на удобной постели. Предупреждала, чтобы ко мне под страхом смерти никого не пускали. Стаскивала сапоги, распускала шнуровку на корсаже и падала на постель, как раненая птица.

Но каждый раз прежде чем закрыть глаза я проверяла, на месте ли монета тёмного.

Смешно. Нелепо даже!

Дочь канцлера, леди Соларии, хранит у сердца тёмный артефакт, словно деревенская девка держит в кулаке заговорённую косточку от сглаза.

Но в этом и не было моей вины!

Первые ночи я честно пыталась класть монету на столик, как приличная леди, чтобы не дай Пресветлая, тот ужасный сон не повторился.

Но когда я просыпалась, артефакт тёмного всегда лежал рядом с моей подушкой!

Просто насмешка тёмных какая-то.

И каждый раз первым делом я смотрела на неё в ожидании

нового сообщения.

Вот и сегодня только открыла глаза, как сразу посмотрела на артефакт тёмного, и клянусь, лицо с монетки издевательски мне подмигнуло! Но стоило мне заметить это, как оно снова застыло, словно ничего и не было.

— Всё. Так больше продолжаться не может, — пробурчала я вслух, поднимаясь с постели. — Пойду к тёмным и выясню, что это за артефакт!

Глава 13. Чужие руки

В этой бесконечной усталости, в которую я погрузилась, было какое-то странное, горькое спокойствие. Главное, не оставлять себе ни сил, ни времени на разговоры и даже на мысли о моём грядущем замужестве.

Но едва я поймала себя на мысли, что сейчас отправлюсь в крыло, выделенное для тёмных и задам все интересующие меня вопросы, как почувствовала, что на душе снова появилась жизнь, энергия и свет! Ещё злость немного, но и решимость.

Ну и хорошо.

Заодно узнаю, как лечат осквернённых в Доминионе.

Наши целители зверски выжигают всю скверну прямо в пациенте. Слишком часто после такой “помощи” человек либо умирает, либо остаётся калекой. Выжженные ткани не восстанавливаются и их не исправить молитвами, не вернуть ни светом, ни временем.

Вот если бы нашлись ещё такие как я, кто сначала вытягивает болезнь, отцепляет от поражённых участков тела, а только потом испепеляет её светом!

Но где же такие найдутся?

Если и были — всех давно переловил Синод.

Я угрюмо вздохнула, одеваясь, как поеду в госпиталь. Вот зайду к тёмным, уточню свои вопросы и сразу отправлюсь к

деду Вартагу. Ему уже пора отдыхать, а он всё ещё держит на себе половину “Белого Источника”.

— Ральф, седлайте лошадей, мне надо уточнить у лекаря кое-что по травам и я сразу спущусь во двор, — сказала я, выходя из комнаты.

Ему это не понравилось, но я надавила.

— Ступай, не будем терять время, пока кто-то умирает в госпитале!

Он сжал зубы, но ушел вместе со вторым охранником. Сегодня с нами совсем зелёный парень. Как бы в обморок в госпитале не грохнулся. Ну если Ральф взял его с собой, значит, хочет проверить, на что тот способен.

Я усмехнулась.

Да уж.. посмотрим.

Я оделась в простое платье, плащ без гербов, волосы заплела в тугую косу, но в коридоре замка слуги всё равно кланялись, когда я проходила мимо.

Монету взяла с собой.

Она лежала в ладони тяжёлым кругляшом, совершенно обычным. И не скажешь даже, что вызывает такие жгучие неприличные сны. Я спрятала её глубже, во внутренний карман, и решительно пошла в сторону тёмного крыла.

Сияние коридоров Соларии оставалось за спиной: лилии, золото, натёртый до блеска мрамор, тёплый шум придворной жизни. Здесь же словно было холоднее. Даже шаги звучали иначе: тише, плотнее, как в часовне перед исповедью.

Перед аркой, отделяющей выделенное тёмным крыло, стояли двое.

Чёрные мундиры, серебряные застёжки, тёмные эмблемы на груди — не с позолотой, как у наших паладинов, а совершенно без декоративных деталей, как клеймо, выжженное на ткани. Ни одной лишней детали.

Они лениво перегородили проход, и я, признаться испугалась.

— Куда собралась? — спросил один, оглядывая меня снизу вверх.

Я приосанилась, как подобает дочери канцлера.

— Сообщите Владыке Доминиона, что к нему на визит вежливости пришла леди Люмерис. И сообщите также, что я не отниму у него много времени. Всего два вопроса, — холодно приказала я. — По поводу целительства.

Второй хмыкнул и тоже оглядел меня, выразительно задержавшись на вырезе на груди так, как в Соларии приличные мужчины себе не позволяли.

— Светлые целительницы всегда такие строгие?

— А меня вылечишь, киска? — спросил второй.

Я не моргнула. Не дала лицу дрогнуть. Внутри, однако, поднималась знакомая тошнота — та самая, что проснулась в спальне с Габриэлем. Только теперь она была не про стыд. Про ярость.

— Пропустите, — повторила я. — Я пришла по делу.

Они засмеялись вдвоём, легко, будто я сказала что-то осо-

бенно забавное. Смех резанул по нервам.

Я попятилась, глубоко оскорблённая, решив вернуться со стражей, пусть это и займёт дополнительное время и потом придётся объясняться и перед Ральфом, и скорее всего перед отцом с матерью. Но такого вопиющего неуважения допускать нельзя!

Но один из тёмных шагнул ко мне ближе.

Слишком близко.

— Назовите ваше имя и должность, — тут же холодно сказала я, глядя прямо в его глаза. — И пропустите.

Они переглянулись, и в этом взгляде было согласие — не пропустить, не уступить, поиграть.

— Имя? — переспросил второй и снова ухмыльнулся. — А твоё?

— Я Селестина Люмерис, дочь Канцлера, я..

— О-о-о, — протянул первый. — А я тогда... — он сделал вид, что ищет в памяти что-то важное, — Коготь главы Доминиона.

— Нет, — подхватил второй, — ты не коготь, ты сам Владыка.

Я оказалась прижата к стене, как уличная девка. К амень стены холодно упёрся в лопатки.

Один из них стал задирать юбку!

— Убери руку, — сказала я, уже прикидывая, смогу ли защититься своим светом.

Голос вышел спокойным. Страшно спокойным.

Он не убрал.

— Не бойся, целительница, — сладко пропел он, — мы тебя научим!

Монета в кармане нагрелась, будто отвечая моим эмоциям. По наитию я опустила руку в карман и сжала её.

И в этот момент позади похотливых стражников раздался голос — ровный, холодный, совсем без смеха:

— Руки. Убрали.

Похабство исчезло мгновенно, будто его задушили.

А мне словно дышать легче стало.

Я прошла между стражниками, оправила одежду и посмотрела на тёмного.

Коготь владыки Доминиона стоял в проходе. Высокий. На его мундире знак был не просто эмблемой, он выглядел как приговор.

Те двое, ещё секунду назад распускавшие языки, вдруг стали меньше. Тише.

— Милорд... — пробормотал один, и это прозвучало жалко.

— Вы на земле, где нас и так ненавидят, — сказал Коготь так же ровно. — И всё равно решили показать Доминион как свору собак?

— Дежурство на границе. Оба. — Он последнего рыка я сама вздрогнула, не удержав эмоций.

Стражники исчезли быстро, будто их тут и не было.

Коготь посмотрел на меня.

Не как мужчина на женщину.

Скорее, как мужчина на проблему, которую ему предстоит решить.

— Леди Люмерис, — произнёс он без тени удивления. — Что вы делаете в крыле, выделенном тёмным? Снова заблудились?

Подтекст нельзя было не считать. Вот же подлец! Да чего я вообще ожидала от тёмных?!

Я подняла подбородок, чтобы ответить как-нибудь едко, но ничего в голову не приходило!

— Каэль? — донеслось из глубины коридора. — Хватит забавляться со служанками.

Я снова вспыхнула.

— Неужели надо ходить покрытой золотом с головы до ног, чтобы вы наконец перестали принимать меня за служанку!

Тьма Передо мной будто сгустилась и из этой тьмы появился Люциан Ноктарион.

Глава 14. Непристойное предложение

Я опешила.

На самом деле — так удивилась и так испугалась, что на секунду забыла, как звуки складываются в слова.

И нет... меня напугал не он — высокий, спокойный, будто вырезанный из ночи. И даже не его тени.

Меня поразила моя собственная реакция на его появление.

Я почувствовала облегчение, когда увидела Люциана. Настолько явное, что стало стыдно. Словно тяжесть, которую я таскала на плечах последние недели, вдруг соскользнула — и упала на пол без звука. Словно один его взгляд мог разом разрубить все узлы, которые мне не удавалось развязать ни молитвами, ни светом, ни упрямством.

— Что привело вас в крыло Доминиона, леди Люмерис? — спросил он пристально смотря мне в глаза.

Я взяла себя в руки.

— Всего лишь два вопроса, Владыка, — ответила вежливо. — Буду благодарна, если уделите мне время.

Его долгий взгляд соседствовал с молчанием.

Мне захотелось добавить что-нибудь — оправдание, объяснение, хоть какой-то мостик через эту пропасть молчания,

ведь тишина становилась невыносимой.

— Прошу — вдруг сказал он и сделал шаг в сторону, пропуская меня вперёд.

Я прошла мимо, чувствуя его прожигающий взгляд, направленный мне в спину. Сразу отчего-то подумала, что могла бы и побольше времени потратить на причёску сегодня утром.

Передо мной открылись двери выделенного для Люциана кабинета.

Там было... уютно. Непозволительно уютно для места, где работал Владыка Тёмных.

Горел огонь в камине. На столе лежали бумаги. Видимо именно от них я и отвлекла его.

— Простите, что отнимаю у вас время, — тут же сказала я.

— Время нельзя отнять беседой, болезнь или клинок справляются с этим куда лучше.

— Вы правы, — ответила я. — И тем не менее, возможно у вас есть более интересные занятия, чем беседа со мной.

— Да. Я вполне мог бы придумать, чем нам заняться, чтобы провести время куда... интереснее, — произнёс он медленно. — Но вряд ли вы согласитесь.

Секунду я соображала, о чём он. Когда до меня дошло, кровь горячей волной поднялась к щекам.

— Вы очень красиво смущаетесь, Селеста, — тихо усмехнулся он. — Так и тянет сказать что-нибудь ещё.

— Кстати об этом... — Я прочистила горло и посмотрела

ему в глаза. — Подскажите, пожалуйста, какие свойства у монеты, что вы мне дали?

— Твёрдая, тяжёлая, круглая... — невозмутимо перечислил он.

— Владыка, — с укором сказала я.

— Называйте меня Люцианом, — попросил он неожиданно мягко.

Я кивнула, стараясь не показывать, как эта его мягкость сбивает меня с толку.

— Сначала я хочу услышать ваши предположения, — вдруг сказал он. — Какие магические свойства у этой монеты?

Вот же подлец!

— Она нагревается иногда, — сказала я несмело.

Он продолжал смотреть на меня, будто знал, что это не всё.

— И на ней может появиться сообщение.

А в ответ молчание, и в этом молчании было терпение охотника, который точно знает: добыча сама шагнёт туда, куда нужно.

— И где бы я её не положила, утром она всегда лежит около моей подушки.

Уголки его губ дрогнули.

— Что-нибудь ещё?

Я стиснула пальцы.

Вот он. Момент, когда любое слово — шаг на тонкий лёд.

Сказать “нет” — и он, вероятно, так ничего и не объяснит. А если признаюсь...

В голову закралась крамольная мысль, что возможно причиной всех этих неприличных снов и не была монета.

Что если всё это приснилось мне самой?!

А я расскажу, и он подумает....

О Пресветлая!

— Что-нибудь ещё, Селеста? — спросил он снова.

Я заставила себя выдохнуть.

— Она навевает странные сновидения, — ответила я.

— И что вам снится? — ровно спросил он.

— То, что раньше не снилось.

Люциан смотрел на меня так, словно взвешивал не слова, а то, сколько правды я выдержу. В камине треснуло полено, звук вышел неприлично громким в этой тишине, и я вздрогнула.

— Монета — всего лишь связующее звено, по которому вы можете меня найти, — сказал он наконец.

— Но почему вы дали её мне?

— Вы точно пришли с парой вопросов? — спросил он, усмехнувшись.

— Да, вы правы... вообще-то главное, зачем я пришла, это узнать, как в Доминионе лечат осквернённых.

Это куда важнее моих снов...

— Предлагаю сделку, Селеста. Ответ за ответ. Я уже ответил на один ваш вопрос, теперь моя очередь.

Я заволновалась, но тут же взяла себя в руки. Надо выяснить всё про тёмное целительство, вдруг это поможет нам эффективнее лечить осквернённых!

— Хорошо, — я кивнула.

— *Кого вы видели во сне, Селеста?*

Глава 15. До встречи во сне

Он застал меня врасплох.

Я открыла рот, чтобы ответить, но закрыла его.

Он улыбнулся так довольным, будто я уже выдала ответ.

— С чего вы взяли, что мне снился кто-то? — выдавила я, цепляясь за холодную вежливость, как за верёвку для утопающего.

— Это новый вопрос, — спокойно отозвался он, — и я на него отвечаю.

Вот же хитрый тёмный! Надо мне быть осторожней в словах, а то мы к теме Скверны так и не подойдём.

— У монеты нет свойства проникать в сознание и управлять снами, но мне с недавних пор тоже снятся интересные картины, потому и спросил, кто вам приснился.

Я почувствовала, как предательски теплеют щёки.

Не могла же я сниться ему?!

А вдруг ему снился тот же сон?! А если ему снилось что-то ещё более откровенное? Что если в его сне мы...

Он же не на это намекает? Нет, он просто видел странные сны...

— Мне снился не тот, кого мне положено любить, — ответила я резко и решительно.

— Ваше смущение можно есть ложкой, — произнёс он мягко. — Теперь мне хочется выяснить всё до капли.

— Как в Доминионе лечат осквернённых? — выпалила я, пока он не начал выяснять.

Люциан усмехнулся, не отводя взгляда.

— Донател. Вина.

Дверь открылась почти бесшумно. В кабинет вошёл один из его стражей, и я невольно напряглась.

— Слуги вашего замка шпионят за нами, так что я приказал никого не пускать в наше крыло, будьте более снисходительны к моим воинам, — сказал он, принимая бокал из рук стражника.

Я тоже взяла. Пить не собиралась, просто... не хотелось выглядеть испуганной девочкой. Я только хотела сделать вид, что пью...

— Попробуйте, оно из Доминиона.

— С недавних пор я с опаской отношусь к вещам из Доминиона, — сказала я.

Он рассмеялся.

— Даже так? Что же моя своенравная монетка вам показала?

— Вы не ответили на мой вопрос, — напомнила я.

Люциан чуть наклонил голову.

— Мы вытягиваем скверну из заразившихся, — просто сказал он. — Но ведь это уже знакомый для вас метод, Селестина, не так ли?

У меня похолодели пальцы на бокале. Я опустила глаза, чтобы не выдать себя — ни взглядом, ни дыханием.

Сделала глоток вина.

Люциан снова рассмеялся — низко, тепло, так, что на секунду у меня тоже дрогнули губы.

На языке остался терпкий привкус доминионского вина — и почему-то он казался слишком личным, как чужое прикосновение, которое не смыть водой.

— У вас красивая улыбка.

— Благодарю, — ответила я. — Синод не одобряет такие методы.

— Да, мы уже поняли, что Пепельное перемирие в добрую дружбу вряд ли превратится, — ответил Люциан.

Он потёр шрам на скуле.

— Где вы его получили? — спросила я, прежде чем успела подумать.

— О чём вы? — уточнил он, но взгляд у него стал внимательнее.

Я наклонилась и кончиками пальцев коснулась тонкой, светлой полосы на его коже.

Совершенно неприлично. Касаться чужого лица! Без разрешения! Мужчины коснуться! Пресветлая... да что на меня нашло.

Люциан перехватил мою руку. Нежно и всё же так твёрдо, что стало ясно: отнять её я смогу только если он позволит.

Его большой палец лёг на мой пульс, и от этого простого касания кровь вскипела.

— В Пепельном ущелье, — произнёс он тихо. — Там, от-

куда Скверна родом.

Он не отпустил мою ладонь. Наоборот — чуть потянул ближе, будто наша беседа наконец обрела свой истинный образ.

— Ну раз уж мы начали обмениваться не только вопросами но и прикосновениями, то вот вам моё.

Он не просто прикоснулся сухими губами к тыльной стороне моей ладони, как это принято в высшем свете.

Он, не отрывая от меня взгляда.

Развернул мою руку запястьем вверх.

Поднёс к губам.

И... поцеловал.

В этом не было даже намёка на приличия.

Нежно.

Сладко.

Порочно.

У меня вырвался тихий, предательский выдох — не из горла, будто из самого нутра.

А Люциан в ответ едва коснулся моей кожи кончиком языка.

Я соскочила с кресла, поднялась на ноги, вырывая свою руку.

— Благодарю вас за уделённое время, — сказала я слишком быстро. — Мне пора возвращаться к работе.

— Селеста?

Я остановилась у двери и обернулась.

Люциан смотрел уже не насмешливо. Тёмные глаза были спокойны.

— Будьте осторожны, — сказал он. — Я уезжаю. Мы возвращаемся в Доминион.

Это прозвучало спокойно, почти буднично, а у меня в груди сердце ударилось о рёбра.

Смешно... я должна была облегчённо выдохнуть. Должна была подумать: наконец-то тёмные уберутся из столицы, наконец-то воздух станет чище, наконец-то я перестану чувствовать себя пойманной.

Но вместо этого в груди поднялась боль — глухая, неправильная, совершенно неуместная. Та, от которой хочется не закричать, а замолчать.

Как будто он забирал единственную дверь, через которую можно было выйти из этой тесной, сияющей клетки.

Я заставила себя держать лицо. Подбородок ровно. Пальцы спокойно. Только монета под корсажем вдруг стала тяжёлой, как камень.

— Лёгкой дороги, — ровно сказала я.

Люциан смотрел на меня так, словно видел, что скрывается под моей правильностью.

— Формальное соглашение заключено, а на серьёзно сотрудничество Солария не настроена.

Я должна была возразить. Должна была разозлиться. Должна была сказать что-нибудь высокомерно-светлое, колкое, привычное.

Но у меня не нашлось злости. Только пустота.

— Селеста, — он провёл ладонью по лицу, словно снимая пелену. — Всех светлых вы не вылечите. Вашей стране пора пересмотреть свои отношения и с Синодом... и со Скверной. И с тёмными.

Мы смотрели друг на друга.

Глаза в глаза.

Владыка Доминиона и помолвленная дочь канцлера Соларии.

Я никак не могла справиться со своими странными чувствами, а потому натянула на лицо легкомысленную улыбку и сказала первое, что пришло мне в голову:

— До встречи во сне, Люциан.

Глава 16. Встреча

Дорогие мои читатели!

Эта глава достаточно тяжелая.

А потому, если вы не настроены грустить, просто пропустите её, в начале следующей главы будет краткое содержание этой.

Крыло Доминиона опустело.

У меня было много дел. Времени на грусть не предусмотрено, но... может быть именно поэтому грусть просто въелась в меня, вгрызлась, как это делает скверна, забралась под кожу, проникла в самое сердце.

Может быть эту мимолётную грусть стоило прожить. Прогрустить. Продумать. Прострадать.

А я вот дала ей время укорениться внутри.

И может из-за этого случилось то, чего я так боялась?

Мой дар никогда не был похож на дар других светлых целителей.

Они работали, как ювелиры: впускали свой свет в пациента, находили болезнь — тёмный сгусток боли, перекрученные энергетические нити — и аккуратно выжигали, распутывали, чинили.

Их работа была точечной. Очень понятной и чёткой. Про-

сто убрать ненужное, лишнее, неправильное.

Они лечили, оставаясь в стороне, не принимая чужую боль на себя, как это делала я.

Я же... была бездной.

Живой магнит для чужих бед. Для скверны.

Но вдруг, для того, чтобы побороть чужую беду, надо сначала что-то решить со своей собственной?

Это случилось через пару дней после того, как Люциан отбыл в Доминион из замка “Сияние”.

В госпиталь я приехала ещё до того, как в столице окончательно проснулся город.

Госпиталь, к слову, вообще будто не засыпал. Он словно жил в другом мире — в мире стонов, нервных шагов по коридору, бесконечного количества тряпок, литров крови, кипятка, трав, масел и молитв, которые вполголоса шептали родственники больных.

В коридоре было тесно. Слишком много людей. Слишком много глаз. Слишком много носилок. Ситуация в столице ухудшалась, и это не могло не беспокоить.

Скверна... она всегда ощущалась как неправильное присутствие. Которого не должно было быть. Как влажная холодная тень на голой коже. Как чужой холод там, где должно быть тепло.

— Пресветлая! — кто-то окликнул меня.

Помощница лекаря, молоденькая, с красными от недосыпа глазами, подбежала, чуть не споткнувшись о ведро. Я уже

тогда почувствовала скверну поблизости.

— Новеньких привезли, — сказала она и сглотнула. — Трое с южного тракта. И один... один совсем плох.

Я сняла плащ на ходу, передала его в руки первой попавшейся девчонке и пошла к тем, у кого больше не было надежды.

В палате у северной стены стояли носилки.

Двое молодых мужчин и... воин.

Ему было лет тридцать. Ещё жить да жить, но лицо его было мокрым от пота, губы уже пепельного цвета, а под глазами залегли тени, будто он неделю не спал. И чёрные прожилки, тонкие, как ниточки, уходили от ключиц к шее и дальше к вискам.

Я подошла ближе.

— Воина к деду Вартагу, — тихонько сказала помощникам.

С тем количеством осквернённых, которое к нам поступало, все работники госпиталя уже догадались, кто я такая. Не сомневаюсь. Но Тиберий пока не пришёл ко мне в покои и не бросил меня в темницу, а значит, местные лекари меня не выдавали.

Наверное, понимали, что если меня не будет, то у таких вот “безнадёжных” одна дорога — туда, откуда не возвращаются.

Помощники переглянулись.

Один из лекарей спросил у меня вполголоса:

— Леди Люмерис, стоит ли тратить на него силы? Он нежилец.

Я резко и зло посмотрела на этого мужчину. Он кивнул и помог остальным перенести больного.

Двери закрылись, отсекая от нас шумный коридор.

— Дышите, — сказала я тихо, когда мы с воином оказались одни.

Он изобразил подобие ухмылки.

— Я сделаю всё, что смогу.

Он еле сжал мои пальцы, которыми я обхватила его почерневшую ладонь.

Я закрыла глаза и заставила себя собраться. Свет внутри меня откликнулся неохотно, как больной, которого поднимают с постели.

Уже тогда стоило остановиться.

Но я не была бы собой, если бы не попыталась. Положила ладони мужчине на грудь.

И почувствовала, как скверна вцепилась в его сердце

Не знаю, сколько времени я пыталась распутать чёрные узлы, но чем сильнее я старалась вытянуть скверну, тем отчётливее понимала, что вместе с ней вытяну и жизнь.

— Нет... — прошептала я, почти не двигая губами.

А мужчина дёрнулся под моими ладонями.

Я открыла глаза.

Он покачал головой. На его глазах стояли слёзы.

— Я попробую снова, — сказала я, стискивая зубы.

Надо быть умнее.

Скверна стала хитрой, она словно учится обходить все мои ловушки, словно она единый живой организм.

Я попробовала иначе — слегка, только чуть-чуть припугнула скверну светом с самого краешка.

И эта пакость ответила. Дёрнулась, прогоняя свет. А вместе с ней дёрнулся и воин.

Я сразу же потушила свет, попыталась снова приручить Скверну, вытянуть, привлечь, но она словно взбесилась. Я старалась уже хотя бы просто удержать её, старалась усмирить, но она вела себя как бешеный зверь! Брыкалась, кусалась, извивалась!

Кто-то обхватил меня за плечи, оттягивая от больного.

— Всё, всё, милая, — шептал дед Вартаг, сидя со мной на полу.

А я вдруг поняла.

Действительно всё.

Вскочила на ноги, подбежала к больному...

— Нет, — сорвалось с моих губ. — Нет же...

— Мы не всеильны, девочка моя, — сказал дед Вартаг, пока я застыла над своим больным. — Иногда они уходят.

Я с трудом перевела взгляд на старого лекаря.

Да что он говорил вообще такое?

Как это “уходят”?

— Когда-то это должно было произойти, Селеста.

И это сожаление в его голосе. Эта нежность, жалость по-

чти, в его взгляде...

Я замотала головой. Снова склонилась над пациентом, прильнула ухом к его груди, пытаюсь услышать хоть удар.

— Селеста, остановись...

Он говорил что-то ещё. Успокаивал, а я никак не могла поверить, что не справилась.

Я не справилась.

— Сколько у меня таких было, Селеста, — Вартаг кивнул на воина, лежащего на столе. — И не счесть.

До меня кажется, всё равно не дошло, что этот воин больше не встанет.

Что это конец для него.

Мы долго сидели.

На полу, скрючившись.

Кто-то принёс мне какой-то чай. И я его кажется пила.

Дед Вартаг всё успокаивал меня. Всё гладил по голове, и говорил, что это жизнь, что так бывает.

И то ли чай был хороший, то ли дед Вартаг убедительный, но я вроде как начала примиряться с этой мыслью, хоть и туго, со скрипом.

Но вдруг в комнату вбежала женщина.

— Кимилар! — вскрикнула она и кинулась к воину, безошибочно найдя его глазами.

За ней бежала взмыленная помощница лекаря.

— Мы пытались её остановить, дед Вартаг, но она ни в какую.

А женщина тем временем обнимала моего ушедшего пациента. Она начала трясти его за плечи, плача, прося мужчину встать. Она кричала что-то про поганую власть. Про армию. Про детей без отца. И дед Вартаг уже её теперь поил чаем. А она всхлипывала:

— Не успела, не успела, не успела...

И всё, о чём я могла думать — это то, что я виновата.

Это я отобрала у неё эту встречу.

Она могла увидеть мужа в последний раз.

Могла сжать его руку, когда он уходил на иную сторону.

Могла плакать, тепло смотря в его глаза. И он бы смотрел на неё. Он бы ушёл, улыбаясь.

И может, они даже могли провести ещё несколько часов вместе, пока скверна окончательно не отобрала бы его дыхание.

Но я испугала её светом.

Заставила её закопошиться, что сердце воина не выдержало.

И он не увидел свою жену.

Ральф взял меня на руки. Я уткнулась в плечо старого стражника.

Слёз не осталось.

Осталась только звенящая пустота на месте где когда-то жило наивное сердце.

— Селеста, — позвал дед Вартаг, когда Ральф усаживал меня на диван. — Мы можем поехать к границе. Туда где

очаг заражения.

— Вартаг, знай меру! Девочка не в себе! — зарычал на него мой мудрый стражник.

— Я знаю, — резко ответил целитель. — И это не залечить сном и отдыхом! Это пройдёт только вместе со спасёнными жизнями. Поэтому я и хочу сказать, что нам надо поехать к границе, там скверна свежая, укоренившаяся, пока больных довозят до столицы, она вгрызается в пациентов до той степени, что её уже тяжело выцарапать!

Я резко села.

— Отец меня ни за что не отпустит.

— Не так далеко от нужного нам места резиденция семьи твоего жениха, — с надеждой посмотрел на меня дед Вартаг.

Габриэль...

— Нет, — резко ответил Ральф.

У него единственного была голова на плечах.

— Я поговорю с Габриэлем, — сказала я, глядя Вартагу в глаза. — Если мне удастся, то обставим это как развлекательную поездку.

— Да, — ответил целитель.

В тот момент мне было абсолютно плевать, сколько мне будет стоить эта поездка. Пусть цена окажется последним, что у меня есть — дыханием, памятью, куском души. Пусть Габриэль возьмёт всё, что захочет, в счёт оплаты.

Всё равно ничего не осталось!

Монетка потеплела у моей груди...

Глава 17. Холод монеты

Краткое содержание прошлой главы, как обещала:

Селестина потеряла своего первого пациента, потому что скверна слишком глубоко в нём укоренилась.

Дед Вартаг предложил поехать ближе к границе, чтобы лечить осквернённых сразу на месте. Когда Скверна только попадет в организм, её гораздо легче вытащить и сжечь. Пока заразившегося довезут до столицы, скверна уже успевает укорениться.

Но отец не отпустил бы Селестину просто так на границу! Однако недалеко есть резиденция семьи Габриэля, так что Селеста собирается представить всё как увеселительную поездку с женихом.

Дверь в покои Габриэля открылась не сразу.

Сначала я услышала шаги — размеренные, неторопливые. Потом щёлкнул замок, и створка приоткрылась ровно настолько, чтобы в проёме показалась половина его лица.

Сир Эверлин выглядел безупречно. Как всегда. Волосы уложены, рубашка чистая, на манжетах серебро. Ни тени усталости.

— Селеста, — произнёс он удивлённо. — Какая неожиданность.

Скорее необходимость... Но ему об этом знать не обяза-

тельно.

— Могу войти? — спросила я мягко.

— Да, одну минуту.

Дверь закрылась перед моим носом.

— Леди, одумайтесь, — прошипел на меня Ральф.

— Я всё хорошо обдумала, — ответила ему я.

За дверью слышалось шуршание и кажется... встревоженный шепот.

Я попыталась согнать с лица гримасу отвращения.

Габриэль изменял мне? Поэтому кто-то сейчас выбегает из его комнаты через тайный ход?..

Ральф открыл рот, чтобы сказать что-то ещё, но дверь комнаты Габриэля распахнулась, впуская меня.

— Спасибо, — вежливо улыбнулась я.

Ральф скользнул за мной следом, после той встречи с Габриэлем в моей комнате, стражник не оставил бы меня с женой наедине.

Габриэль взглянул на него неодобрительно, но ничего не сказал.

Внутри пахло дорогими маслами и вином — тонко, благородно, почти невинно. Но мой организм, похоже, был злопамятнее моей воспитанности: желудок сжался.

Я прошла к окну, чтобы уловить хотя бы немного свежести.

— Ты давно не навещала меня, — сказал Габриэль, закрывая дверь. — Твоя служба в госпитале... впечатляет, но...

Он произнёс это с лёгкой улыбкой, а в голосе так и звенела обида.

Я повернулась к нему лицом и заставила себя улыбнуться так же ровно, как улыбалась недавно Тиберию.

— Именно поэтому я здесь. Мы давно не разговаривали, — сказала я. — И это неправильно.

Его взгляд смягчился.

— Неправильно, — повторил он. — Я думал, ты... избегаешь меня, Сэл.

Я и избегала его. Но раз уж только жених может мне помочь, то...

— Я устала, — призналась я. Это была единственная правда, которую можно было продать, не раскрывая остального. — Госпиталь забирает всё. Я просто... исчезла из жизни. И твоей тоже.

Габриэль сделал шаг ближе.

Мой взгляд скользнул по комнате, выхватывая детали: шпильку для волос на смятой подушке, два бокала вина...

— Тогда позвольте мне вернуть тебя, — сказал он негромко. — Хотя бы на несколько дней. Ты должна отдохнуть.

Всё шло как нельзя хорошо.

Я чуть опустила ресницы, позволив ему увидеть в этом жесте не холодный расчёт, а женскую мягкость.

— Я бы хотела... чтобы мы попробовали найти общий язык, — произнесла я осторожно, будто подбирала слова для примирения. — Мы помолвлены, Габриэль. И это не шутка

Он выпрямился, словно эта фраза вернула ему опору под ногами.

— Наконец-то, — выдохнул он. — Я давно ждал, когда ты будешь готова.

Я сглотнула.

— Можем мы куда-то поехать? Сменить обстановку? Хотя бы ненадолго...

— Конечно! — воскликнул он. — На какой курорт ты бы хотела поехать? На “Голубые чаши”? Говорят, там сейчас самый сезон для целебных бассейнов!..

— Нет, — резко ответила я.

Слишком резко, очевидно, потому что Габриэль вдруг захлопнул рот.

— Я не могу уехать из столицы и просто забыть о госпитале, — добавила я мягко, закусывая губу. — Совесть мне не позволит. Ты же понимаешь.

— Понимаю, — он чуть поморщился, словно слово “совесть” было досадным недоразумением. — Тогда... куда из твоих или моих владений? Куда предлагаешь?

— Я не предлагаю, — сказала я мягко. — Я прошу. Найди место, где мы могли бы быть... наедине. Где будет тише. Где мне будет легче дышать. Но чтобы рядом был госпиталь. Или хотя бы лазарет. Чтобы я могла помогать днём, а ночью...

Ральф рядом кашлянул, но Габриэль даже не заметил, видимо картинки жарких ночей сразу же поглотили его разум. Он задумался.

— Есть несколько вариантов, — сказал он наконец, и в его голосе появилась привычная деловитость. — У нас есть дом у озёр, там спокойно. Есть охотничья усадьба на севере, воздух чистый. И...

— Север далеко, — перебила я негромко. — А дорога отнимет время. И силы.

— Тогда... Есть резиденция моего рода на южном тракте.

— На южном? — переспросила я, придавая голосу лёгкий интерес. — Там же... неспокойно.

— Непокойно везде, — отмахнулся он. — Но там крепкие стены, хорошая охрана, и неподалёку есть лазарет при гарнизоне. Если тебе так важна работа — сможешь заходить туда время от времени. А остальное время... — он улыбнулся, — будешь со мной.

Я кивнула, будто выбирала сердцем.

— Это звучит... разумно, — сказала я. — И правильно. Поехать к тебе... в гости. Побывать рядом. Показать друг другу, что мы не чужие.

— Тогда я распоряжусь сегодня же, — сказал он. — Выезжаем в ближайшие дни.

— Чем скорее, тем лучше, — ответила я, и в этих словах снова была правда.

Он подошёл ближе, протянул руку к моему лицу.

— Сэл... — произнёс он почти нежно. — Я рад.

Я подняла ладонь и положила её на его пальцы.

Ужас, какая я хорошая актриса!

И это я! Светлая целительница!

Селестина Люмерис!

Быть того не может!

— Жду не дождусь нашей поездки.

— И я, — сказал он, жадно глядя на мои губы.

Я сделала шаг назад — к двери.

— Благодарю, Габриэль. Сообщи мне, когда поговоришь с моими родителями.

Он задержал меня у порога, наклонился и всё-таки поцеловал. Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не отстраниться.

Я позволила поцелую случиться, как позволяют случиться неприятной процедуре: терпят и считают секунды.

И где-то глубоко, под воспитанием и долгом, поднялся ледяной вопрос: *почему мне так хочется, чтобы это был не он?*

Внутри прошла ледяная волна отвращения. Холодная уверенность: я не принадлежу ему.

И обжигающий вопрос: а кому я тогда принадлежу?

Я улыбнулась — ровно, безупречно, как умеют дочери канцлеров.

И вышла.

В коридоре меня догнал Ральф. Его лицо было каменным.

— Не одобряешь, — сказала я тихо, не спрашивая.

— Нет, — мрачно ответил он.

Я не ответила. Потому что спорить было бессмысленно.

Только губы вытерла рукавом.

Монета у груди вдруг стала холодной.

Словно Люциан говорил мне: “Не туда пошла, светлая”.

Я сжала ткань корсажа пальцами, будто могла согреть металл силой воли.

— Если это поможет спасти больше людей, то я потерплю,
— сказала я Ральфу, хотя убеждала я наверное себя.

Ральф хмыкнул.

— Ваш жених, миледи, заставит нас терпеть.

В моей комнате пахло розовыми лилиями.

Служанок я выгнала.

Не хотелось ни с кем сейчас ни говорить, ни даже видеть никого не хотелось.

Начала собирать вещи. Я не сомневалась, что Габриэль уговорит моих родителей. У него был особый талант в убеждении старшего поколения. Они верили ему. Как и я раньше. А ещё у него была хорошая мотивация.

Что он там себе напридумывал? На что мне придётся пойти, чтобы остаться в гарнизоне подольше?

Я складывала в дорожный сундук всё необходимое — без украшений, без лишней роскоши. Платья попроще. Тёплые чулки. Перчатки. Травы, которые Вартаг просил взять. Чистые перевязочные полотна. Небольшой ларец с сосудами от местного целителя.

И всё время ощущала эту холодную тяжесть у груди. Но убирать монету я не хотела. Пусть будет холодной. И тяжё-

лой. Может хоть так я смогу забыть глаза тёмного?

На самом дне шкафа, за сложенными вдвое покрывалами, лежал его плащ.

Плотная ткань, запах дыма и чужих трав. Он не должен был быть у меня. Его нельзя было хранить. Его следовало сжечь, освятить, выбросить в реку и молиться сутки.

Я взяла плащ в руки.

Вдохнула запах.

Глупо. Неприлично. Ненормально.

Но я всё равно сидела на полу своей комнаты и обнимала дурацкий чёрный плащ. А потом не смогла оставить — сложила его и положила в дорожный сундук.

Монета под корсажем на мгновение потеплела, но... осталась холодной.

Я забралась в кровать и положила монету на ладонь.

— Я еду на границу, — шепнула, словно бы ему самому.

Закрыла глаза, и сон накрыл меня с головой.

Глава 18. Доминион

Люциан

Я проснулся от собственного рыка.

Меня словно вырвало из сна, будто кто-то рванул клинок из раны. Резко, больно, оставляя ощущение жгучей пустоты внутри.

Я сидел в кресле за своим дубовым столом. Перо валялось на пергаменте, растёкшаяся клякса портила отчёт о поставках кристаллов из глубин. В камине догорали угли. Нокт-хейм за окном спал.

А я горел.

Горел изнутри так, будто в груди полыхнуло пламя. Только вот пламя иного толка. Не разрушительный жар, а вожделеющий.

Я закрыл глаза, пытаюсь поймать убегающие обрывки сна со светлой. Они ускользали, как дым, оставляя на языке привкус дыма и... её. Горьковатый. Как тёмный шоколад с щепоткой пепла и... солнечных лучей, запертых в бутылку. Невозможное сочетание. Как она сама.

Я видел её. Не такой, какой она предстаёт при дворе — зашнурованной, напудренной, холодной куклой.

Я видел её расплавленной, расслабленной, откровенной.

Её свет не слепил, а обволакивал, смешиваясь с моими тенями. В том сне она не боялась их. Не боялась меня. Принимала таким, какой я есть.

Я усмехнулся.

Детали постепенно стирались, как и всегда, но это ощущение пустоты... оно осталось. Врезались в память острее любого клинка.

Её кожа под моими ладонями... горячая, почти обжигающая. Её невинные вздрагивания, когда я касался тех мест, которые мне нравились в ней больше всего.

Я зарычал и потёр лицо руками.

Как же мне прогнать её из своей головы?

В голове прозвучало это её “Люциан...”

Не “Владыка”. Не “Ноктарион”.

Моё имя, сорвавшееся с влажных от моих поцелуев губ.

Я сжал кулаки, чувствуя, как дрожь проходит по мышцам предплечий. Драконья часть меня рычала внутри, негодуя от того, что её лишили добычи. Человеческая... человеческая часть просто бешено хотела вернуться обратно в тот сон и допить начатое до дна.

— Слабость, — прорычал я, потряс головой и встал с кресла, опираясь о столешницу руками.

Не моя она женщина.

Светлая.

Чужая невеста.

Мой народ её бы не принял.

Её народ тоже был бы не в восторге.

Живой политический кризис.

Но доводы разума не помогали забыть её тепло.

За окном к столице приближался рассвет, окрашивая небо в цвет индиго. Час до первых совещаний. Час, который я должен был потратить на планы, отчёты, расчёты, а не на чужую невесту.

Вместо этого я стоял, прикованный к окну, с телом, всё ещё помнящим призрачное прикосновение, и с яростным, неудовлетворённым рёвом, застрявшим где-то в груди.

Душу заполнила какая-то неясная тревога о ней.

Куда понесло эту светлую?

А может женишок снова зарвался?

Мысль об этом светлом щенке вызывала неконтролируемую ярость.

Может прикопать его под деревом? Случайно как-нибудь. Не специально.

Как это произошло вообще?

Почему самая опасная аномалия, с которой я когда-либо сталкивался, оказалась не скверной и не древним проклятием, а хрупкой светлой целительницей с глазами полными бури и даром выжигать моё хладнокровие дотла?

Глава 19. Невеста Габриэля

Я рывком очнулась ото сна и огляделась.

В карете было неуютно, да ещё монета тёмного под корсажем холодила кожу.

Напротив меня спал Габриэль, он выглядел довольным. Ещё бы... наверное ему снится всё, что он собирается со мной сделать.

Сбоку от него сидел Ральф, наискосок, чуть ближе к выходу, как и всегда. Еле как удалось убедить Габриэля, что Ральф — гарант моей чести, так что его от меня отлучать нельзя.

Спина затекла, я потянулась, пытаюсь размять её. Безуспешно.

Ральф открыл глаза от первого моего движения. Самый лучший стражник. Я приветливо ему улыбнулась.

Мы выехали на рассвете, а сейчас уже далеко за полдень.

— Приказать остановиться? — спросил Ральф, глядя на то, как я неумело пытаюсь потянуться в одну сторону и другую.

Я покачала головой. Скорее бы уже приехать и под любым предлогом сбежать в госпиталь.

— Доброе утро! — бодро сказал Габриэль, тоже проснувшись.

Я постаралась скрыть неудовольствие за вежливой улыб-

кой.

— Добрый день, как спалось?

— Бывало и лучше, — усмехнулся он и покосился на Ральфа.

Да, наверное с теми служанками, которых он трахал в “Сиянии” ему спалось куда лучше.

Я сама испугалась своей мысли. Откуда такая злость, Селестина?

Карета подпрыгнула на выбоине. Меня качнуло, и монета будто сместилась, холодным ребром кольнув кожу.

Я машинально прижала ладонь к груди, и Габриэль заметил это.

— Что-то болит?

— Устала, — ответила я мгновенно. — Вчера почти не спала.

Он наклонился ближе, и запах его дорогих масел стал слишком ощутимым.

— В моём доме ты будешь спать сколько захочешь, — сказал он.

Придётся придумать, как мне уложить Ральфа под боком.

Уж лучше я буду спать со своим стражником, чем с женихом.

Я отодвинулась ровно настолько, насколько позволяли приличия.

— Мне важно, чтобы рядом был лазарет, — напомнила я.

— И чтобы мне можно было работать.

— Я разрешу, — легко сказал он. — Я же не зверь.
Я улыбнулась. Коротко.

Но от этого “разрешу” стало как-то не по себе. Возможно я недооценила Габриэля... Не считает же он себя моим опекуном, пока я в отъезде от отца?..

Солнце поднялось, потом снова спряталось за тяжёлые облака. Дорога стала хуже: камень сменился грязью, грязь — глиной, и колёса то и дело вязли так, что лошади хрипели.

Я отнеслась к поездке, как к серьёзному заданию — мне надо было усыпить бдительность Габриэля. Убедить его, что я — самое скучное, что могло случиться с мужчиной: вежливая, правильная, упёртая и бесконечно уставшая. Такая, от которой хочется сбежать к бумагам, охоте или... любовнице.

Я открыла дорожный блокнот, который взяла специально для этой поездки, и медленно, демонстративно перелистнула страницы.

— Раз уж мы едем в твои владения, Габриэль, мне нужно уточнить несколько вещей, — произнесла я.

— Какие? — уточнил он.

— Да. Лазарет при гарнизоне. Кто старший лекарь? Сколько у него помощников? Какие есть запасы: сухие травы, спирт, перевязочные полотна? Есть ли чистая вода в постоянном доступе? Кипятильня? Отдельная комната для осквернённых? И самое главное... — я подняла глаза, — есть ли у вас печь для прожигания тканей и металлические ванны для обеззараживания инструментов?

Габриэль посмотрел на меня так, будто я внезапно заговорила на языке древних храмовых камней.

— Сэл... мы едем отдыхать.

— Конечно! И работать. Служение никто не отменял.

— Ты слишком много времени уделяешь служению. Так недолго загнать себя, как скаковую лошадь.

— Это потому что иначе я не умею, — сказала я искренне.

Он потянулся, хотел коснуться моей руки...

— Кстати, я бы хотела получить доступ к вашим складам. И к записям о припасах. Если я стану твоей женой, мне нужно знать сколько и чего у нас есть. Тем более сейчас с таким наплывом осквернённых нам понадобится множество вещей, надо уточнить, что придётся докупить.

— Селеста, — сказал он медленно. — Ты решила сделать из моей резиденции госпиталь?

Я улыбнулась очень скромно.

— Ну она же почти наша резиденция, так?

Он явно хотел ответить резко, но сдержался.

— Отлично, — сказала я, и снова уткнулась в блокнот. — Тогда я перечислю, что нужно сделать сразу по прибытии.

Он шумно выдохнул — вот она, первая трещина в его терпении.

— Первое: изоляция. Второе: чистая вода. Третье: отдельные инструменты. Четвёртое: проверка комнат, куда можно разместить больных...

— Пятое — я хочу, чтобы ты хотя бы посмотрела на меня,

— перебил он наконец.

Я подняла глаза. Медленно. Без кокетства.

— Я смотрю. И вижу гордыню, Габриэль, тебе следует помолиться.

— Помолиться? Сэл, — он попробовал улыбнуться, вернуть лёгкость. — Мы помолвлены. Мы едем в мой дом. Может... поговорим о нас?

— О нас? Хорошо. Тогда начнём с простого: как ты видишь наш союз... после войны со скверной?

— Войны? — усмехнулся он.

— Она косит воинов, как хорошая армия, — я пожала плечами.

Повисла тишина.

— Ты совсем не скучала по мне?

— А ты, Габриэль? Успевал скучать? — спросила я.

— Да, очень.

— И я скучала по спокойной жизни. По тому, чтобы не слышать чужие стоны по ночам. Если ты можешь подарить мне это — я буду благодарна.

Я смотрела прямо в его бестыжие глаза.

Он прочистил горло.

— Стоны больных, я полагаю? — спросил Габриэль.

Ральф рядом тихонько усмехнулся.

— Конечно, а ты о чём подумал? — улыбнулась я.

— О чём может думать мужчина, смотря на красивую женщину, — съехал с темы Габриэль.

— О молитве конечно, — кивнула я серьёзно. — Габриэль, то, что произошло до бала, то, как ты поставил меня на...

— Сэл! — грубо одёрнул меня Габриэль. — Ты забываешь, что мы здесь не одни, — практически прорычал он.

— О, Ральф мне старый друг, он знает обо всём, чем я занимаюсь, даже спит в моих покоях, — легкомысленно сказала я. — Приказ отца, который нельзя нарушить. Так о чём я?

— Поговорим, когда будем наедине, — строго сказал мой жених.

— Ну это случится не скоро, после свадьбы, я полагаю. Да и Пресветлая всегда следит за нами.

Габриэль какое-то время молчал, явно пытаюсь понять, где у этой стены дверь.

А я, не дожидаясь, снова открыла блокнот и спросила самым убийственным тоном зануды:

— Сколько у вас лошадей в гарнизоне? Я хочу понять, сколько носилок мы сможем доставить к месту заражения.

Глава 20. Гораздо хуже, чем могло быть

Вечер в резиденции Габриэля

Когда мы прибыли в резиденцию рода Эверлинов, Габриэль почти сразу попытался от меня отделаться — даже слишком поспешно, сразу заявил, что он “очень занят”.

Я, разумеется, сделала вид, что ничего не замечаю.

— Мне бы хотелось осмотреть замок, — сказала я с мягкой настойчивостью. — Всё-таки, если мы собираемся стать семьёй, я должна понимать, каковы наши будущие владения. Где лазарет, где склады, где кухня...

Он улыбнулся так, будто я попросила его пересчитать камни в стене.

— Селеста, ты устала. Тебе нужно отдохнуть.

— Отдохну во время экскурсии, Габриэль, — спокойно возразила я.

Он уже открыл рот, чтобы возразить... и тут в коридоре показалась служанка. Молодая, ладная, с идеально уложенными рыжими волосами и взглядом, направленным на моего жениха. Взглядом, который не скрывал её истинных мотивов — девушка сделала такой притворно наивный вид, что мне стало смешно. Между ними явно были... эпизоды.

Храни Пресветлая эту развратницу. Она появилась как нельзя кстати.

Габриэль на секунду перестал быть вежливым женихом. На его лице мелькнуло выражение жадного голода.

— Леди Люмерис, — служанка присела в книксене, но глаза не опустила. Конечно же.

— Да... — ровно ответила я и улыбнулась. — Да, Габриэль, ты прав. Отправляюсь отдыхать сейчас же. В конце концов Ральф должен набраться сил, прежде чем я потащу его в госпиталь.

Габриэль откашлялся.

— Я распоряжусь, чтобы вам приготовили комнаты. А замок... осмотрим завтра. Сегодня уже поздно.

— Разумеется, — произнесла я ласково. — Не смею отвлекать тебя от... обязанностей хозяина.

Его взгляд на мгновение дёрнулся, будто он уловил под словами укол, но тут же снова стал привычным, ведь я тоже умела делать невинное лицо.

— Ральф, — добавила я, поворачиваясь к стражнику, — пойдём. Нам ещё нужно обсудить с лекарями план на утро.

И, не дожидаясь, пока Габриэль придумает ещё одну причину “срочно уйти”, я ушла первой.

— Ловко, — усмехнулся Ральф, когда мы отошли на достаточное расстояние.

— Придётся молиться до утра, — со вздохом ответила я, чувствуя на плечах вес лжи и всего этого притворства.

— Бросьте, миледи, вы не сделали ничего плохого. Если бы вы знали, что себе позволяет ваш жених...

— Даже знать не хочу, — улыбнулась я, заходя в подготовленные для меня покои.

Ральф первым делом осмотрел комнату на предмет тайных входов и выходов, но вскоре вздохнул с облегчением.

— На первый взгляд всё в порядке, отдыхайте, миледи.

К ночи замок затих.

— Всего одна ночь, — прошептала я себе.

Одна ночь под одной крышей с Габриэлем, что может случиться?

Тем более со мной Ральф.

Я даже почти поверила в эту мысль, пока не заметила, что монета под корсажем стала холоднее обычного. Не просто холодной... ледяной. Словно предупреждала.

Я сжала ткань пальцами, будто могла согреть металл. Не вышло.

— Всё будет хорошо, — сказала я вслух.

Ральф посмотрел на меня тяжело — и ничего не ответил. Он не умел врать ради утешения.

Я легла, не раздеваясь до конца. Ральф был в смежной комнате.

Закрыла глаза.

Одна ночь.

Всё будет хорошо.

Как же я ошибалась.

В ту ночь мне не приснился тёмный.

Рассвет, который так и не наступил

— Селеста! — кто-то тормозил меня за плечо.

Я резко села на кровати и только молниеносная реакция Ральфа спасла его уже несколько раз поломанный нос от встречи с моим лбом.

— Что случилось?

— Плохие новости из гарнизона, мы приехали очень вовремя. Случился прорыв, мы уже готовы выдвигаться, решили дать вам немного времени для сна и разбудить последней.

Сон... Забавно. Слово час мог исправить мою хроническую усталость.

— Спасибо, — всё же с искренней благодарностью сказала я, пожав плечо стражника.

Я уже вскочила с кровати, и совершенно не стесняясь Ральфа, начала переодеваться в одежду для госпиталя. Моя вера в его порядочность была непогрешима, и он оправдал её — отвернулся, чтобы не смущать меня.

Простые ткани. Плотная рубашка. Удобный жилет. Никаких лент, ничего “для красоты”.

Я заплела волосы в тугую косу — так, чтобы ни одна прядь не падала на лицо, когда придётся держать свет.

Монета... как всегда со мной.

Я нащупала кармашек — и замерла на мгновение.

Сегодня не хотелось класть её в обычный кармашек на внутренней стороне корсета.

Сегодня, поддавшись какой-то слепой, первобытной интуиции, я сдвинула её глубже — под грудь, ближе к сердцу, словно сама того не осознавая, уже готовилась к худшему.

Я выдохнула через зубы и затянула шнуровку плотнее.

— Поехали, — сказала я, уже натягивая плащ.

В коридоре нас ждали Вартаг и двое стражей. Мужчины уже были собраны. Факелы трепали темноту рваными языками огня.

Во дворе стояла колкая ночь. Лошади запряжены, мой конь нервно стукнул копытом.

— Да, милый, — шепнула я, стараясь перекрыть эту странную, неправильную тишину, накрывшую двор резиденции. — Я тоже это чувствую.

Как будто мир на секунду затаил дыхание... чтобы потом закричать.

Мы оседлали лошадей и поспешили на помощь в госпиталь, но до лекарей так и не доехали...

Прорыв скверны.

Как я была наивна, когда полагала, что смогу помочь!..

Глава 21. Сдержать скверну

Мы гнали лошадей, спеша к госпиталю гарнизона. Я чувствовала внутреннюю тревогу и боялась того, что могу увидеть, когда мы доберёмся до места.

Впереди сквозь редкий лес виднелись огни. Не столичные, сделанные для украшения ресторанов и карточных клубов, а грубые светильники, подвешенные на высоких шестах.

Показалась чёрная громада стены гарнизона и где-то там, за этой стеной, в ночи, раздавался колокол, звенящий тревогу.

— Почти... — выдохнул Вартаг, наклоняясь к шее коня.
— Почти успели.

И в тот же миг воздух изменился.

Словно кто-то провёл по воде ладонью.

Лошади первой шеренги заржали, отказываясь двигаться дальше. Мой конь дёрнулся, и я сжала поводья, чувствуя, как внутри меня поднимается знакомое, липкое ощущение — скверна была близко.

Только вот не в людях... а...

— Ральф... — начала я, но не успела закончить.

Спереди на нас неслось нечто — не человек, не зверь, а грязный клубок костей и теней. Оно двигалось рывками, будто ему было больно существовать в нашем мире, но это не мешало ему быть быстрым.

Первый стражник вскрикнул — коротко, без слов — тварь ударила снизу, под брюхо коня. Лошадь взвилась, стражник дёрнулся в седле и упал навзничь.

— Назад! — рявкнул Ральф, мгновенно выхватывая меч.
— Леди! Разворачивайтесь!

Второй стражник тоже оголил клинок и бросился вперёд, пытаясь прикрыть нас. Сталь рассекла воздух, но попала не в плоть, а словно погрязла в болоте, в пустоте, которая вдруг стала вязкой. Лезвие застряло в чём-то влажном и хлопающем.

Стражник дёрнул меч обратно и вскрикнул уже другим голосом, когда по металлу побежал чёрный иней, а по пальцам ниточки скверны.

Ральф схватил мой повод, пытаясь развернуть коня и увести меня из-под удара. Я подчинилась. Повернула лошадь, собираясь отступить, но именно в этот момент тварь прыгнула снова.

Когтистая тень полоснула по боку моего скакуна, животное взвизгнуло, дёрнулось в сторону... и я не удержалась в седле.

Мир перевернулся.

Я увидела кусок неба, чёрную линию стены, факелы, которые качнулись и растеклись, как масло по воде, а затем землю, летящую навстречу.

Удар выбил из лёгких воздух. Рёбра отозвались болью. Песок и грязь забились в рот, кажется я пробороздила по

земле щекой.

Я перекатилась на бок и услышала, как Ральф кричит моё имя, поднимая меч выше. Но я уже знала: оружие здесь не поможет.

Скверна не боится железа.

Она боится только света.

Я поднялась на колени, кашляя, и распахнула сердце Пресветлой.

Сила во мне откликнулась тяжело, с задержкой. Но она всё равно поднялась.

И тварь это почувствовала.

Она дёрнулась, словно ужаленная и развернула ко мне свой рваный силуэт. Там, где должны быть глаза, была густая тьма, а в этой тьме мне виделся голод.

Я вскинула ладони, будто собиралась обнять тварь.

Силуэт приблизился, поддался моему притяжению и прыгнул, а я молниеносно сплела световой щит!

Дрянь ударилась о него. Мой щит дрогнул. Я дрогнула вместе с ним.

Тварь, обжёгшись, рассыпалась в прах.

Я тяжело дышала со всё ещё раскинутыми в стороны руками.

Мы с Ральфом и Вартагом переглянулись.

— Селеста, твой дар расширился! — прохрипел Вартаг.

Но наша радость не длилась долго — у стены гарнизона пространство снова расплылось, и я поняла, что где-то здесь

и есть разлом, а мы на его краю, где ткань мира истончилась!

Через эту тонкую паутину границы миров к нам протягивалась скверна.

Голодная. Жадная. Тупая.

— Селеста! — крикнул Вартаг. — Даже ты не сможешь помочь. Здесь нужны светлые!

Фраза засела у меня в мозгах, Вартаг сказал так, будто мы с ним не были светлыми... но кто же, не темные же мы, в самом деле?

Ральф уже стоял между мной и надвигающейся на нас новой тварью, в руке бесполезный меч, и теперь уже я скомандовала “Уводи Вартага!”

Одно мгновение, когда мы смотрели друг на друга, я подтолкнула его светом..

Дальше не видела, что произошло — распротёрла объятия навстречу твари. Тварям...

— Иди, — прошептала я сквозь зубы. — Ко мне.

И скверна пошла.

Она уже не бежала в обличие странного монстра, она тянулась ко мне с нескольких сторон... Я не успела бы сплести такой щит, так что впустила её в себя....

Мгновение.

И я почувствовала её.

Она цеплялась за всё живое внутри меня: за страх, за усталость, за злость... за ту глупую грусть по Люциану, которой я не давала выйти и которая теперь была удобной дверью в

мою душу.

Но я не первый раз имела дело с этой дрянью.

И как только она на большую часть оказалась внутри меня, уже я вцепилась в неё яркими когтями света.

Тварь заметалась, но я крепко держала её за хвост.

Хотела было начать её выжигать, как поняла, что...

Это не отдельное существо.

Это — маленькая тварюшка, ростом чуть больше человека — ничто иное, как просто отросток, который проникает в наш мир из разлома. отросток, который ещё не отделился от своего источника полностью.

От той скверны, которая была в моих когтях, тянулся след на другую сторону.

И теперь, когда я обожгла эту маленькую рваную тень, я привлекла внимание настоящей опасности.

Страх охватил каждую клеточку меня, но вдруг монета под грудью потеплела. Смешно, но именно это придало мне сил.

Если происходит что-то неизбежное, ты просто должен сделать всё, что можешь...

Я начала тянуть на себя скверну, чтобы схватить, её покрепче. И она поддалась. На секунду мне показалось, что сейчас от меня не останется ничего, кроме черноты.

Но находясь в этом странном трансе, я хорошо чувствовала, как скверна тоже боится.

Я держала значительную часть скверны, когда распахнула

свой свет.

Колени подогнулись.

Я слышала, как Вартаг зовёт меня по имени. Далеко.

И ещё как монета под грудью вдруг стала тяжёлой и горячей.

Люциан...

Я даже не успела понять, произнесла ли это вслух.

Мир качнулся и исчез.

Глава 22. Последний день леди Люмерис

Я открыла глаза и первое, что увидела, были мамины руки, белые и безупречные. Одна держала пальцы, другая — тонкую иглу. Нить ровно скользила по ткани, создавая красивый узор.

— Очнулась? — спросила мама спокойно и аккуратно вколола иглу в свою вышивку, будто поставила точку.

Я кивнула.

В камине горел огонь. На столе дрожали свечи. Тёплый свет ложился на стены... только вот стены были чужими. И запах был чужой — ни капли знакомых лилий.

Где я?

Губы пересохли, было больно ими шевелить.

— Ральф...

— Все остались живы, — сказала она и отложила пальцы на стол. — Разлом закрыт. Жертвы предотвращены.

В её голосе теплоты не чувствовалось.

Впрочем когда вообще я её в последний раз чувствовала от матери?

— Слава Пресветлой, — выдохнула я, а на глазах сразу образовались слёзы.

Я попыталась приподняться. Тело отозвалось тяжестью,

голова гудела.

— Мы у Эверлинов? — спросила я, стараясь восстановить ход событий.

— Нет, — отрезала мама.

Снаружи донёлся гомон. Густой, многоголосый, городской. Такой шум не бывает в маленьких резиденциях — так шумит столица, когда толпа собирается смотреть на какое-то событие.

Сердце ударило о рёбра.

— Люди празднуют? — спросила я, слабо улыбаясь.

— Можно и так сказать. Мы в столице, — продолжила мама так же ровно. — Тебя вывели из лечебного сна сегодня утром. Потому что на закате состоится твоя казнь.

Я моргнула.

— Казнь?.. — переспросила глухо. — Я... должна кого-то казнить?

Мама посмотрела на меня, как на ребёнка, который снова не выучил молитву.

— Тебя казнят, Селеста. За твой дар. И за связь с тёмными.

Она сказала это спокойным деловым тоном, а у меня похолодели пальцы. Рука сама собой потянулась к монетке, спрятанной под грудью. И только тогда я осознала: на мне не моя одежда. Это не наряд работницы госпиталя... на мне было дорогое пышное платье — тяжёлое, с тугим корсажем и чужими кружевами. Платье для церемоний.

Платье, в котором я умру.

— Мама... — голос сорвался. — Что происходит?

Казнь — это про преступников. Про убийц. Про предателей. Про тех, кого показывают толпе как урок.

Разве это должно быть про меня?

— Когда-то это должно было произойти, — просто сказала она. — Не вечно же тебе было бегать со своим даром от синода. Особенно когда лечишь осквернённых так... щедро.

Щедро.

Как будто я раздавала милостыню, а не вырывала людей из лап смерти.

— Но я... — начала я и не нашла продолжения.

Мама вдруг наклонилась и резким движением схватила меня за запястье. Её пальцы были холодными, сильными, цепкими.

Она дёрнула рукав моего роскошного платья вверх.

Я увидела своё запястье, и мир снова качнулся перед глазами.

Вены под кожей были чёрными. Не синеватыми. Ярко-чёрными, будто светящимися изнутри.

— Нет... — выдохнула я.

Попыталась смахнуть черноту рукой, тёрла кожу, будто можно стереть скверну, как грязь. Будто можно оттереть смерть.

— Бесполезно, — сказала она. — Я перепробовала всё, пока ты спала. Всё, что можно. Осталось одно.

— Выжечь, — прошептала я.

— Да, — кивнула она. — Но если её выжечь, ты сгоришь вместе с ней.

Я подняла взгляд на маму, и в горле вдруг встал ком. Не боль даже — просто непонимание.

— И ты просто позволишь им это, — сказала я почти улыбаясь, потому что иначе бы разрыдалась.

Мама поднялась.

— Ты была хорошей дочерью, — произнесла она. — И прекрасной целительницей.

Эти слова должны были согреть.

— Так и напишешь на моём памятнике?

— Габриэль хотел прийти попрощаться, — добавила мама, будто вела светскую беседу, а не прощалась со мной.

У меня вырвался короткий смешок.

— Он извращенец, — сказала я. — Ты знала, мама? Знала, за кого отдаёшь меня? Свою дочь.

— Моя дочь умерла, — сказала мама тихо, — в тот день, когда у неё обнаружили тёмные силы.

Слова были мягкие. Почти ласковые.

Но ими можно было перерезать горло.

Она подошла, погладила мои волосы.

— Я всё ещё живая, мама, — выдохнула я.

Она отвернулась.

Вздохнула тяжело и посмотрела мне в глаза.

— Казнь будет жестокой. Прими мой совет. На игле яд, —

сказала она тихо и направилась к выходу.

Я вскочила. Получилось неуклюже, тяжело, как будто ноги мне не принадлежали. Сделала шаг, второй, бросилась за ней, но между нами вырос незнакомый стражник.

Шлем. Чужое лицо. Чужие глаза.

— Леди Люмерис, — сказал он холодно, ставя меня на ноги. — Ведите себя достойно.

Достойно.

Достойно принять свою смерть.

Дверь мягко закрылась за спиной стражника.

Я огляделась.

Машинально подняла вышивку, которую мама оставила на столе.

Ткань была хорошо натянута, стежки ровные. Мои любимые лилии с тонкими листьями, золотая нить по краю, “как положено” для дома Люмерис.

И игла.

Я осторожно взяла её пальцами.

Глава 23. Казнь

Стражники пришли за мной раньше, чем успели догореть свечи.

Двое. В одинаковых шлемах и плащах со знаками Синода.
— Леди Люмерис, — произнёс один. — Пора.

Пора.

Я не ответила. Бросила последний взгляд на мамину вышивку, догорающую в камине, и отправилась на свою казнь.

Если уж принимать смерть, то принимать её с достоинством.

На мне было белое платье с золотыми нитями, чтобы толпа видела, что казнят не оборванку, не ведьму из деревни, а дочь канцлера. Чтобы всем, у кого дрожат руки от усталости в госпиталях, стало ясно: вас тоже достанут, если посмеете лечить не так, как велено.

Я шла, и каждый шаг отдавался тяжестью в груди. Тяжестью от несправедливости ситуации.

Двери распахнулись.

Шум стал громче.

Сотни. Тысячи голосов. Шорохи, кашель, зазывания торговцев, шёпот женщин, смех детей, тяжёлые выкрики мужчин. И над всем этим колокол, который бил размеренно, как сердце города. Сердце всей Соларии.

Впереди меня ждал помост.

Высокий, сложенный из свежих досок.

На помосте стояла плаха, рядом — высокий столб, обвитый цепью. Чуть дальше — медная чаша с водой и белыми лепестками. Символ очищения, конечно.

И инквизиторы.

Они были в белом. И издалека казались ангелами.

Казаться и быть.

Сейчас разница между этими словами ощущалась пропастью.

Я различила Тиберию сразу.

Он смотрел мне в глаза, и в их глубине я чувствовала ликование.

Меня подвели к лестнице на помост.

Толпа загудела. Скверна в моих венах отозвалась на этот гомон, на страх, на чужое внимание. Как будто ей нравилось, что на меня смотрят.

Я стиснула зубы.

Не сейчас.

Ступень. Ещё ступень.

Вот я и на сцене.

Тиберий поднял руку, и площадь постепенно стихла.

— Жители Соларии, — начал он. Голос его был поставлен идеально. — Сегодня вы станете свидетелями справедливости.

Справедливость.

Я хотела рассмеяться, но вышла только горькая усмешка.

— Леди Селестина Люмерис, — продолжил он, — обвиняется в сокрытии порчи, в сотрудничестве с тёмными, в применении запретных методов целительства и в распространении скверны через собственный дар.

В толпе кто-то ахнул.

Кто-то плюнул.

Кто-то, кажется, заплакал.

Может, ещё не все потеряно для Соларии? Если кто-то плачет...

Я стояла, держа спину ровно и больше не опускала головы. Достаточно.

Тиберий сделал шаг ближе.

— Синод милосерден, — произнёс он.

— Я наслышана, — прокомментировала я.

— Но милосердие не может быть выше закона!

Двое инквизиторов подошли ко мне с цепью. По спине прошёлся холодок.

Мама сказала, что казнь будет жестокой. Так что же они подготовили для меня?

В толпе я увидела Вартага. В глазах его стояли слёзы. У врача, с которым я бок о бок провела столько ночных смен в госпитале. Ни разу не видела его плачущим.

Я одобряюще улыбнулась, будто мне не было страшно.

Цепь, очевидно, должна была удержать меня у столба...

Я нахмурилась...

— Нет...

Покачала головой.

— Нет!.

Пытка светом, когда человека сжигали заживо...

Я сглотнула.

Это варварство было запрещено ещё пятьдесят лет тому назад.

На помост вышел Габриэль.

— Жених станет палачом своей невесты, разве не чудесно? — тихо спросил Тиберий, собственноручно защёлкивая на моих запястьях кандалы.

Я оттолкнула его и закрыв глаза, встала на колени.

— Пресветлая защити! Даруй мне силу и стойкость. Даруй им мудрость твою.

Они собирались уничтожить меня самым болезненным способом, из существующих. Собирались устроить из моей смерти показательное представление.

Мучительное.

“Святое”.

Чтобы я кричала. Чтобы толпа запомнила. Чтобы любой из светлых, обладавший необычным даром, после этой казни просыпался ночью в поту от страха быть следующим.

У меня затряслись руки. Предательски.

Я заставила себя выдохнуть.

— Благодарю тебя, Пресветлая Богиня за то хорошее, что ты успела показать мне в этой жизни.

И в памяти всплыли глаза тёмного.

Что за ирония?

— Пусть мир скоро пройдёт через мрак, пусть его ждёт процветание.

Габриэль подошёл ближе и посмотрел на меня сверху вниз.

— Ты могла бы быть моей женой, Сэл, — сказал он, и кадык на его горле дёрнулся.

Я покачала головой. Смешно, но сейчас стало совершенно ясно, что сердце своё я отдала другому.

И вдруг между сложенных в молитвенном жесте ладоней я почувствовала нечто круглое и плоское.

Я замерла.

Быть того не может.

— Я ради тебя на многое готов, — продолжил Габриэль.
— Мы ещё будем вместе.

Но я его не слушала — вспомнила, как Люциан схватил меня за запястье.

Как сказал “Если кто-то обидит вас снова, сожмите её как следует, я прилечу и заберу вас”. И эта тёплая усмешка на его лице...

Слёзы потекли по щекам.

Я не стала раскрывать ладоней.

Просто сжала их изо всех сил!

Металл обжёг кожу рук.

Тиберий говорил что-то о чистоте, о долге, о праведности — слова текли, как вода из кувшина. Красиво. Пусто.

Габриэль тоже говорил. Какие-то неясные обещания.
Просьбы...

Я ничего не слышала.

Только учащённое.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук.

И дыхание.

Вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох.

— Пора просыпаться, светлая, — почудилось мне почти
неуловимое эхо слов.

Как будто на расстоянии мира кто-то тоже прислушивался
к стуку моего сердца.

— Люциан...

Габриэль остановился.

— Что ты сказала?

Монета вспыхнула жаром.

Не так, как раньше — почти нежно. А так, будто в неё
ударила молния.

Я резко втянула ртом воздух.

Тиберий вдруг замолчал и посмотрел на меня.

— Вот она! Истинная скверна!

Но толпа зашумела по другому поводу.

— Смотрите! — закричал кто-то, указывая в небо, и все
начали задира́ть головы.

Я тоже подняла взгляд.

И увидела в небе чёрные крылья Владыки Тёмной Державы...

Селестина и Габриэль

Глава 24. Драконы и их подданные

Солнце садилось за горизонтом, и от того силуэт приближающегося чёрного дракона выглядел ещё более значительным. Чёрные крылья, которые закрывали алые разводы заката, казалось, несли за собой ночь.

Синодские инквизиторы отступили на шаг, Тиберий побледнел.

— Это... невозможно, — сказал кто-то рядом. — В столице... тёмный...

Крик поднялся волной. Стража схватилась за копья. Поднялся ветер, тут же задувая все факелы.

Тиберий поднял руку и выкрикнул:

— Защитный круг! Немедленно!

Фигура чёрного дракона резала небеса.

Странно, но в этот момент, я даже не думала о том, что у меня, возможно, появился шанс на спасение. Я думала о том, каким красивым был Люциан в темнеющем небе.

Чёрный дракон опускался на стремительно пустеющую площадь.

— Что ты наделала? — спросил Габриэль, опускаясь на колени и разжимая мои ладони.

Мы оба уставились, как то, что осталось от монеты, потекло чёрной змейкой под кандалы, удерживающие мои запястья.

— Ты призвала его! — сокрушённо сказал Габриэль.

— Надо было молча умереть? — усмехнулась я.

Инквизиторы метались вокруг помоста, чертя в воздухе знаки. Свет вспыхивал неровно, рвался, будто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.